

ОРГАН ФИЛОСОФСКОГО
ОБЩЕСТВА СССР

Начала

№ 1

Москва, 1991

Редакционная коллегия:
Н.В.Скоробогатько (главный редактор), А.Т.Казарян,
И.В.Фокин, А.Н.Чумаков

Художник Д.И.Кооминин

Философское общество СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ	
Новое издание - для Вас!	5
ГОСТИ РЕДАКЦИИ	
У нас в гостях Юрий МАМЛЕЕВ	7
ФИЛОСОФСКАЯ ЭССЕНТИКА	
Владимир НАЗАРОВ. Этика магов (Этюд о неогуманизме)	19
Александр ВАСИЛЬЕВ. Учение индейских магов К.Кастанеды и традиции христианского гуманизма	25
ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ	
О В.В.Розанове. Интервью с Виктором СУКАЧОМ	33
В.В.РОЗАНОВ. М.П.Соловьев и К.П.Победоносцев о бюрократии	44
В.В.РОЗАНОВ. Одна из замечательных идей Ф.М.Достоевского	54
НОВОЕ ИМЯ	
Дмитрий ГАЛКОВСКИЙ. Бесконечный тупик (отрывок из книги)	66
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Юрий СУХАРЕВ. "Философская литература русского зарубежья"	72

Любовь МОТОРИНА. Рецензия на книгу А.П.Дуброва и и В.Н.Пушкина "Парапсихология и современное есте- ствознание.	76
Владимир МЕТЛОВ. Коротко о книгах	78
ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР ИНФОРМИРУЕТ	81
Наши авторы	87

ОТ РЕДАКЦИИ

Открывая новый философский журнал, редакция вполне осознает те трудности, которые сопровождают любое начинание в области философии. Сегодня, как это ни печально, понятие философии дискредитировано, а слово "философ" отпугивает своей однозностью.

После блестящего периода расцвета русской философии, прерванного насильственным образом, наступила эпоха ее упадка. Философия утратила свою самостоятельность, став жертвой политических интересов и страстей. Все самобытное в ней было вытеснено на периферию общественного бытия и могло найти убежище лишь в истории философии. Философия перестала соответствовать своему имени, в ней не находят ни любви, ни мудрости. Разрушены естественные основы самого философствования, повреждена почва, на которой произрастает этот кажущийся бесполезным цветок культуры.

На долю нового поколения выпадает трудная, но необходимая работа по восстановлению честного имени философии, воссозданию тех культурно-исторических предпосылок, без которых немислимо свободное философствование, возобновлению исконных традиций русской философии.

Было бы наивным полагать, что в философии возможно повторение пройденного пути. Возвращение к началам, к первоосновам философии нами осознается как необходимое условие нового пути.

Процесс перемен в отечественной философской мысли начался, и мы надеемся, что и наш журнал сможет содействовать этому. Присылайте нам ваши материалы. Они не обязательно должны быть сугубо научными, академичными.

Давайте отнесемся к философии не только как к науке. — Помните у Бердяева: "Никто не сомневается в ценности науки... Но в ценности научности можно сомневаться... Научность есть перенесение критериев науки на другие области духовной жизни, чуждые науке... Никакая наука не дает директив научности для чуждых ей сфер"? Давайте возрождать великие традиции русской философии — тот стиль, тот слог, тот полет, ту дерзновенность мысли.

Редколлегия

ГОСТИ РЕДАКЦИИ

У нас в гостях писатель и философ Юрий Мамлеев

Юрий Мамлеев — один из тех, кто с 1974 года стал "эмигрантом поневоле". Представитель так называемой "катакомбной культуры", он шел к своему читателю тропами самиздата — другие пути были ему заказаны.

Ныне Ю. Мамлеев, известный писатель-сurreалист и религиозный философ, живет в Париже. Он — один из интереснейших современных писателей русского Зарубежья, член французского ПЕН-клуба.

Предлагаем вашему вниманию запись интервью, взятого Натальей Скоробогатько у нашего гостя.

Н.С.: Юрий Витальевич! Вы совмещаете в себе писателя и философа. Ваши художественные и философские сочинения имеют, как им и положено, совершенно различный мыслительно-языковой строй. Как Вам удается совмещать в себе художника и философа?

Ю.М.: Совмещение художественного и философского стилей мышления — действительно, редкий случай. Однако, оппозиция между философским и художественным стилями мышления существует только в том случае, если под философией мы разумеем, главным образом, рационалистическую западную философию, иначе говоря — картезианскую. В этом случае, действительно, философско-рационалистическое мышление, то есть мышление современной западной философии, противостоит художественной интуиции, художественному мышлению.

Но если под философией Вы подразумеваете метафизику, то здесь ситуация совершенно иная. Говоря о метафизике, я имею в виду проникновение путем сверхрационального мышления в запредельные миры, прежде всего, в высшие миры. Таким образом, метафизика коренным образом отличается от философии, потому что философия — это всего лишь рационалистическая попытка понять то, что рационалистически понять невозможно.

И в этом заключается основное противоречие западных культур. В то время, как метафизика, которая существовала до современной эры, и, прежде всего, на Востоке (в Индии, в Китае), и которая связана с древними религиями — это уже иное. То есть, грубо говоря, — это использование прежде всего сверхрациональной интуиции. То есть, это попытка прорыва интеллектуального, причем, не путем логического мышления, а путем медитаций, интеллектуальной интуиции — в высшие миры.

Кроме того, это связано с учетом данных сверхчувственного опыта, с учетом данных, скажем, Древней Йоги и посланий Откровения. Йоги обладали способностью к сверхчувственному опыту, который современным экстрасенсам, я думаю, и не снился. Это все было, это зафиксировано, это часть истории человечества. Можно назвать это оккультным опытом, поскольку чистая метафизика — это только познание Божественных истин.

Но метафизика использует оккультный, сверхчувственный опыт, то есть опыт познания миров. Хотя в строгом смысле слова метафизика — это опыт познания Бога, а не миров. Ясно, отсюда, что между философией и метафизикой огромная бездна.

Если же говорить о связи между метафизикой и искусством, то тут связь самая прямая. Недаром в Древней Индии людей искусства, по-существу, считали браминами. Духовное искусство приравнивалось к высшему опыту ме-

дитации и созерцания, которым обладали люди со сверхрациональным мышлением. Искусство, направленное на познание глубин, неизбежно задевает сферу метафизики, мистики.

На примере древнего искусства мы видим это со всей очевидностью. Здесь метафизика и искусство сливаются в нечто единое. Самый очевидный пример — это, может быть, величайший поэт человечества Данте, в творчестве которого эзотеризм, теология, религиозная мистика и искусство были полностью объединены. Другой пример — это Андрей Рублев, где, по-существу, произошло то же самое. То же самое можно сказать о Махабхарате.

Итак, искусство противоположно философии, если под философией подразумевать рационалистическое мышление. Но поскольку искусство оперирует и образами, и символами, и имеет какую-то метафизическую "подкладку", то здесь явное сближение с метафизикой. При этом я говорю не только о символизме. Если мы возьмем некоторые реалистические произведения, скажем, Л.Н.Толстого, то увидим в описании состояния людей присутствие "неба", присутствие бесконечного начала. Поэтому я думаю, что искусство соединено с метафизикой и с религией.

У Данте в "Божественной комедии" описан опыт божественного познания, который практикуется в разных религиях, в том числе в суфизме, — путем интеллектуальной интуиции, созерцания. Таким образом, в "Божественной комедии" духовная практика христианства и ислама некоторым образом совпадают. Надо подчеркнуть, что это все основано на сверхрациональном мышлении, интуиции. Суперрациональное является противоположностью иррационального — это важно различать.

"Иррациональное" — главный термин фрейдизма, которым обозначаются низшие пласты психики человека. Основу фрейдизма составляет тезис о том, что высшее начало в

человеке зависит в какой-то мере от этих низших начал. Иррациональное вводит человека в сферу бессознательно-го. Поэтому, если фрейдизм – это изучение низшего в человеке, то мистика описывает высшего человека.

Что же касается соотношения рассмотренных способов познания: метафизики, искусства, религии – с наукой, то здесь надо отметить, что наука – совсем иной способ познания, очень специфический. И вовсе не абсолютный, он слишком замкнут на нашем физическом мире. Когда появилось философское мышление, оно укладывало целое в философскую систему – декартовскую, гегельянскую или какую-то еще. Древний способ познания отрицал систему, так как считалось, что сведение реальности в систему невозможно, то есть полной интерпретаций целого рациональным путем не может быть. Скажем, в исламе всегда существовал принцип: вы выдвигаете какое-то положение и все время добавляете, что Бог знает лучше. То есть всегда есть момент нашего незнания, мы не можем даже суперрациональное в человеческом разуме отождествить с Божественным.

Н.С.: Сейчас в нашей стране возрождаются традиционные для русской интеллигенции споры западников и славянофилов. Каково Ваше отношение к этому новому старому противостоянию идей?

Ю.М.: Западничество и славянофильство. Это тема, с одной стороны, актуальная, с другой стороны – столько об этом написано, что в одном интервью невозможно изложить все, что нужно. Поэтому я хочу только поставить 2-3 вопроса, связанных с этой проблемой.

Первое. Западничество. Есть две точки зрения на Запад. Одна из них – Запад уже перестал быть тем, каким мы его представляли, понимали на протяжении всей его истории. В XIX веке, например, считалось, что Запад – это воплощение христианства, католичества и т.д. С дру-

гой стороны, Запад мыслился как проводник идей Возрождения, гуманистической философии и т.д. Надо совершенно определенно сказать, что такого Запада уже не существует. Когда люди говорят о Западе, то они говорят о Западе, который существовал до XX века и о котором они читали в книгах. Поскольку этого Запада уже нет, то люди попадают в абсурдное положение, так как говорят о том, чего не существует.

Современная западная философия говорит о том, что на Западе наступила постхристианская эра. Совершенно очевидно, что современный Запад – это уже выход в какое-то иное состояние, которое уже ничего общего не имеет ни с гуманизмом, ни с христианством. С этим конечно. О крахе гуманизма западными философами написано столько книг, что о гуманизме просто смешно говорить. Западные философы считают, что исчез сам человек. Я не считаю, что наступил общий крах гуманизма как такового, но как система взглядов гуманизм потерпел крах еще в XIX в. – это все признают. С другой стороны, говорят о том, что, несмотря на какие-то мутационные изменения, существует связь современного Запада с Западом "нормальным", таким, каким мы его себя представляем. Чтобы понять эту связь, нужно обратиться к одному из самых глубоких реалистов, Л.Н.Толстому, который обладал удивительно тонким пониманием человечества. У него есть маленький рассказ "Люцерн". Это, кажется, единственное его произведение, которое касается его впечатлений о том времени, когда он жил на Западе. Описание психологии тех людей с математической точностью совпало с характерами тех людей, которых мы увидели, оказавшись там, на Западе. Мы были поражены, насколько точно это совпадение! (Толстой обладает удивительно верным, правдивым взглядом на человека, без всякого умиления и приукрашивания).

Россию считают мостом между Востоком и Западом, Европой и Азией, что очевидно и географически, и духовно. Нам приводят в пример Японию, Корею, которые сумели сохранить себя и в то же время создать технологическую цивилизацию. Что касается технологии, то это — несомненно изобретение Запада, хотя об изобретении такой технологии знали древние, но они не хотели пойти по этому пути, так как видели, какую опасность несет он человечеству.

Тем не менее, Запад пошел по этому пути, так как хотел подчинить материю своей эгоистической воле. То есть был выпад "эго" против природы. Запад настолько преуспел в этом, что стал побеждать материально остальные цивилизации. Прежде всего была почти полностью истреблена прекрасная цивилизация индейцев, которая была связана с древнейшими культурами, в которые была заложена глубочайшая эзотерическая философия. Далее двинулись на Восток, подчинили индийскую цивилизацию... Все это известно. Началась эпоха колониальных империй. Это был поход против восточных цивилизаций. Перед последними встала задача выжить, сохранить себя, свою духовность.

Россия была первой страной, которая смогла успешно ответить на этот вызов Запада, потому что она была ближе к Европе и обладала чертами и европейской, и восточной цивилизации. Россия сумела создать при Петре Великом такую ситуацию, в которой уживалась и современная технология и предотвращалась западная экспансия. Таким образом, одна из восточных цивилизаций сумела сочетать западную технологию и свою духовную самобытность. С большим опозданием то же стали делать и остальные восточные цивилизации. Такое сочетание было для них огромной проблемой, потому что денежно-технологическая система Запада полностью убивает духовность.

Каким образом восточные цивилизации могут создать современную технологию, сохранив свою духовность? Примером решения этой нелегкой задачи могут служить успехи Японии, Южной Кореи и т.д. Но действительно ли они сохранили свою духовность? Окончательное суждение об этом выносить еще рано, так как мы не знаем отдаленных последствий технологического скачка для уникальной культуры этих стран. На примере Индии мы видим, что идет непрерывная борьба между денежно-технологической цивилизацией и величайшей духовной цивилизацией. Борьба идет беспощадная.

Н.С.: Сейчас мы все активно заговорили о необходимости нашего духовного возрождения. Как Вы считаете, неизбежно ли при этом возрождение религиозности или возможна духовность внерелигиозная?

Ю.М.: Есть так называемая врожденная нравственность, которая дана человеку так же, как дан, например, разум. Она присутствует в каждом человеке, независимо от его религиозных, политических взглядов. Мы видим, что есть атеисты гораздо нравственнее, чем верующие... На человека нужно смотреть реалистически, не нужно его идеализировать.

Глубоко ошибался Джефферсон, который говорил, что человек от природы добр, дайте ему только свободу! Церковь была права: в человеке есть и добро, и зло. Человек — это глубоко противоречивое существо.

Проблема заключается в том, что для того, чтобы действительно победить зло, нужна помощь религии. Одна только врожденная нравственность не может победить то зло, которое есть в человеке, особенно в современном мире. Это происходит по многим причинам, в частности, по той причине, что чисто врожденная нравственность без онтологического подкрепления как бы повисает в воздухе, то есть она не подкреплена на философском, метафизическом уровне. В любой религии нравственность основана на

том, что в основе мира лежит Высший Разум и том, что человеческая душа, или вневременная часть человеческого сознания, бессмертна и вечна. И это совершенно меняет картину.

Если мы возьмем атеистический вариант, то здесь нравственность бессильна при мысли, что со смертью все кончается. Если мир - это просто создание слепого слуха, слепой комбинации материи, почему я должен быть нравственным, почему не дать волю своему эгоизму, не дать волю стремлению к наслаждению, к господству над другими людьми? Но вместе с тем, если нравственное начало является частью религиозного мировоззрения, ситуация, конечно, принципиально меняется, потому что в религиях очень подробно разработана идея, почему человек должен любить других людей, каким образом от этой любви зависит его судьба после смерти, судьба его единства с Богом. Так что здесь все соединено воедино, но это не значит, что обязательно любой верующий нравственнее атеиста. Это может быть верно, если это настоящий верующий. Но в религии очень много было лицемерия, формальной веры и т.д. Отсюда вытекает, что человек неверующий бывает нравственнее, чем человек верующий. Но в общем, из всего опыта истории человечества мы совершенно ясно видим, что нравственность тогда имеет полную силу, когда она подкреплена религией.

Кроме того, одной нравственности не достаточно для духовного воспитания человека. Ответить на вопрос: "Что такое Бог?" - не сможет ни психология, ни социология, ни, тем более, политика. На этот вопрос может ответить только метафизика, религия и искусство, кстати.

Н.С.: Мои студенты мне говорят, что иные люди следуют заповедям Бога из соображений практичности, для того, чтобы получить там вечное блаженство. Что это именно более высокого порядка практичность, чем практичность тех, которые стремятся взять все при жизни.

Поэтому тут нужны, видимо, не только те аргументы, которые Вы привели, но и те, которые исходят из того, что Бог - это Абсолют, который не позволяет встать на путь нравственного релятивизма, когда все демагогически можно оправдать, коль скоро нет чего-то безусловного, не требующего обоснования, оправдания, рационального объяснения.

Ю.М.: Кроме того, с помощью религии человек проецирует себя в вечность. О существовании реальностей вне нашего физического мира знали древние благодаря тому, что тогда, в те времена контакты с другими мирами известной степени были даже бытовым явлением. Конечно, я говорю не о Боге, но о потусторонних мирах. Особенно это проявилось в контактах магов с природой и ее "теневой" стороной. Эти контакты были настолько распространены, что людям просто не приходило в голову, что этот физический мир - единственная реальность и кроме нее вообще ничего не существует.

Н.С.: А теперь произошло то, что этот "теневой" мир закрылся от нас, опасаясь необузданного стремления к тотальной экспансии, но можно сказать и так, что мы сами его для себя закрыли.

Ю.М.: Хотя, разумеется, "щели" и контакты существуют и сейчас. Но в целом же технологическая цивилизация сосредоточивает людей только на одной стороне природы и закрывает контакты с силами, которые стоят за природой. Конечно, никто не отрицает силу науки, но нужно ясно осознавать, что наука не является единственным способом познания действительности. Она познает только одну сторону реальности своим особым способом, в то время, как другие стороны реальности просто исчезают из ее поля зрения. Нужны разные способы познания реальности. Научный подход в том плане, в каком он понимается, недостаточен, потому, что Бога и высшие миры нельзя исследовать в научном смысле этого слова. Его

можно "понять" только суперрациональным познанием, интуицией, созерцанием и т.д.

Н.С.: Каким Вам видится будущее нашей страны? Чего в Вашем взгляде больше — оптимизма или пессимизма?

Ю.М.: Я не пессимист и не оптимист. Я считаю себя в этом отношении реалистом. Реализм означает такое понимание природы человека, которое исключает как идеализацию человека, так и его очернение. Собственно, человеческое общество — это проекция самого человека. Поэтому человек в наше время, в нашу эпоху упадка причудливо соединяет в себе добро и зло, причем так, что и разъединить-то их иной раз невозможно. История современного человечества — это тоже переплетение добра и зла, и, часто, каких-то нелепых утопий, неправильных интерпретаций религии и т.д.

Сейчас все открыто стали говорить о том, что коммунизм — это миф. Точно таким же мифом я считаю миф о демократии. Этот миф ничуть не лучше мифа о коммунизме. То, что происходит сейчас — это замена одного мифа другим. Во всем мире демократия чаще всего является прикрытием каких-то сил, которые властвуют в том или ином обществе. Ну, в случае Запада — это деньги, Большой Бизнес, банки... Поэтому я не верю, что можно создать какое-то идеальное общество. Нужно просто расстаться с этими мифами и понять, что при современном состоянии человека это невозможно. Этого никогда не было и не будет в наш космологический отрезок. Но это вовсе не означает, что все так плохо, беспросветно. Я абсолютно против нигилизма и пессимизма. Главное — существует жизнь, которая является бесценным даром, существует выход в высшие миры, существует связь человека с Богом. Таким образом, если нет оснований для оптимизма в смысле какой-то гармонии, то нет оснований и для пессимизма. Наше время — это какое-то экзотическое сочетание

негатива и позитива, причем часто негативное доминирует, но это не значит, что позитивные силы не существуют, что они потерпели поражение. Вовсе нет.

Я не думаю, что смена политической власти вообще кардинально меняет человека. Разумеется, при этом я признаю, что устройство политической власти может быть лучше и может быть хуже. Но я против утопий. В этот период упадка — в период Кали-Юга — человечеству могут быть даны особого рода откровения, особого рода понимание, которого не может быть в "золотой век" гармонии, потому что полная гармония до известной степени — это все-таки золотой сон. А наше время дает возможность человеку познать всю бездну скрытого бытия. Это можно сравнить с обострением болезни, когда человеку дается момент особого прозрения, познания жизни.

Н.С.: Юрий Витальевич, нашим читателям интересно будет узнать о Вашем философском творчестве, о проблемах, которые Вы освещаете в Ваших философских сочинениях, о судьбе этих сочинений.

Ю.М.: Мои книги и статьи этого плана так же, как и художественные произведения, переведены на французский, английский и другие языки. Сейчас начали появляться мои прозаические вещи в нашей стране, значительно меньше знают здесь мои философские работы.

Здесь два направления: первое — попытка познания России (этому посвящена работа "Новый град Китеж"), второе направление выражено наиболее полно в книге "Судьба бытия". Оно связано с восточной метафизикой, с индуизмом, но это не просто изложение эзотерических концепций индуизма, но и изложение моего собственного философского кредо. Идея книги связана с метафизикой "я", причем, под этим "я" понимается не "эго" человека, не его психика, а высшее "я", которое ищут во всех религиях, во всей метафизике, то есть "я", проекцией ко-

тогого является все то, что мы называем человеком. В последней главе дается описание метафизических поисков, которые происходили в Москве в 60-х годах. Когда-нибудь мы, я и мои друзья-единомышленники тех лет, расскажем о том, как это было. У меня есть роман "Московский гамбит", в котором описаны все эти поиски. Работы, о которых я сейчас рассказал, находятся в московских издательствах и, я надеюсь, выйдут в следующем году.

В заключение я хотел бы сказать вот что. Мы живем в очень страшное, социально тревожное время. Очень хорошо, что несмотря на эту тревогу, я увидел, что много людей интересуется вопросами духа, вопросами самопознания. Это дает какую-то надежду на то, что наша цивилизация будет существовать в изменяющемся будущем, потому, что она живет вопросами не только материальными. Вместе с тем, мы действительно переживаем трагические страницы нашей истории, но я надеюсь, что это время пройдет, главное, по-моему, чтобы не было крови и чтобы все наши боли и страдания не превратились в социальную катастрофу, чтобы наша страна во всей ее духовной самобытности была спасена.

ФИЛОСОФСКАЯ ЭССЕИСТИКА

Владимир НАЗАРОВ

ЭТИКА МАГОВ

Этюд о неогуманизме

В мировой культуре глубоко укоренилось представление о том, что творческий взлет духа, будь то художественный гений, мудрость, духовное подвижничество, парапсихологическая феноменальность и тому подобное, должны иметь нравственную основу, что "гений и злодейство — две вещи несовместные" (А.Пушкин). На этом, в частности, строится запрет на эзотерические знания для тех, кто не прошел путь нравственного очищения духа.

Логика этого представления сводится к тому, что нравственное начало духа, проявляющееся в любви, милосердии, взаимопомощи, самоотверженности, определяет собой космическую целесообразность взаимосвязи всего живого и особенно разумной формы жизни. Нравственный закон Канта, относящийся ко всем возможным космическим формам разума, вольно или невольно инициирует все наши искания в области общечеловеческой этики.

Тем не менее есть факты, которые не вписываются в этот логический круг. Один из них связан с поведением "семи мудрецов" Древней Греции. Характеризуя образ "семи мудрецов" на основе их жизнеописания, составленного Диогеном Лаэртским, известный исследователь античной культуры А.Ф.Лосев, в частности, замечает, что эти мудрецы — люди хотя и весьма стойкие, принципиальные, глубокомысленные, но почти всегда упрямые и жестокие, что они выступают, большей частью, банальными моралистами, хитрецами и злодеями, а то и развратниками. В их образе

бытовая моралистика причудливо переплетается с кровавыми преступлениями (это относится в первую очередь к коринфскому тирану Периандру), а большой жизненный опыт, остроумие и бесстрашная самоотверженность – с упрямством и самодурством. "Спрашивается: где же тут мудрость? Ну и мудрость!" – риторически вопрошает А.Ф.Лосев, вполне обоснованно подчеркивая "безнравственную" основу данного типа мудрости.

Но дело здесь в том, что поведение "семи мудрецов" лежит в плоскости совершенно иных нравственных ценностей и оценок. Оно подчинено принципам "магической" этики, выражающей качественно иной тип "космической целесообразности", отношения человека к универсуму.

Понять смысл этики магов мы сможем обратившись к ярким, убедительным примерам из книги К.Кастанеды "Второй круг силы" (Нью-Йорк, 1977).

Кастанеда показывает, что трудно при обучении магическим навыкам избавиться от стереотипа нравственного мировосприятия. Осуществляя по заданию учителя прыжок в пропасть, он не может удержаться от того, чтобы не помочь, "не выразить сочувствия" бросающемуся с ним в пропасть человеку. И в этой глубокой приверженности спонтанному душевному порыву и нравственно-целесообразному представлению о жизни состоит его коренной недостаток. В любой самой сущностной и экстремальной ситуации маги способны преодолевать "комплекс" сочувствия и взаимопомощи. Но это вовсе не означает, что они чудовищно бесчеловечны, бездушны и бессердечны. В своем поведении они руководствуются принципом "безупречности воина". "Воин" не имеет сочувствия ни к кому. Для него иметь сочувствие означало бы "быть эгоистом", ибо это предполагает, что ты считаешь другого похожим на себя, наполняешь его своим ощущением жизни, навязываешь ему свое чувство судьбы. Невольно вспоминается мысль С.Мозма: "Пессимизм в большей мере вызывается тем, что мы

приписываем другим такие чувства, которые сами испытали бы на их месте".

Главное правило этики магов – предоставить другим самим себе, точнее говоря, их собственной свободе и судьбе. Но чтобы эта позиция не могла вырождаться в пустое безразличие к чужой жизни, необходимо самому вести себя безупречно.

В чем беспочвенность нашей помощи другому? В том, что усилие помочь может оказаться спонтанным, произвольным порывом, не подкрепленным объективным видением ситуации. И в этом смысле наш порыв означает собой простой рефлекс нашей эгоистической природы. "Большинство людей, считающих себя добрыми, только снисходительны или слабы", – замечает в этой связи Ф.Ларошфуко.

Кастанеда приводит один случай, когда однажды, находясь вместе с учителем в городе, он поднял улитку, которая лежала посреди тротуара и бережно положил под какой-то виноградный куст. Он исходил из того, что если бы улитка осталась лежать в самом оживленном месте города, люди рано или поздно раздавили бы ее. Кастанеда думал, что упрятав улитку в безопасное место, он спас ей жизнь.

Дон Хуан, учитель, указал, что такое допущение явно не оправданно, потому что оно не учитывает две существенные возможности. Одна из них – та, что улитка, может быть, ускользнула от верной смерти, от яда на виноградных листьях; другая – та, что она имела достаточно личной силы, чтобы пересечь тротуар. Своим вмешательством ученик мага вовсе не спас улитку, а только заставил ее утратить то, чего она с таким трудом достигла. Душевный порыв сочувствия, так же как и принцип целесообразной взаимопомощи являются в данном случае эгоистической иллюзией альтруизма. В конце концов ученик захотел положить улитку туда, где он нашел ее, но учитель предостерег и от этого шага. Он сказал, что это

была судьба улитки. Судьба, воплотившаяся в случайное стечение обстоятельств и в воздействие слепой человеческой силы на природу.

Случай с улиткой можно рассматривать как аллегория магической этики в целом. Не сочувствие, помощь или милосердие являются здесь основой жизни и поведения, но собственная безупречность по отношению к судьбоносным силам бытия, даже если такое поведение будет выглядеть нелепо или бесчеловечно.

Теперь, пожалуй, можно сказать, что "магическая" этика в какой-то мере перекликается и с идеей иллюзорности нравственных форм поведения древнеиндийских брахманов, и с принципом стоической невозмутимости перед роком, и с ницшеанским вызовом житейским добродетелям. Такая позиция не обязательно однозначно связана с магической формой сознания и практики. Как можно судить, персидские маги провозглашали активное участие в борьбе на стороне сил добра и против зла. С другой стороны, очевидно, что "магическая" логика присуща кодексу средневековой японской морали бусидо, погашающей душевный порыв гордым противостоянием неотвратимой судьбе.

Остается выяснить, что представляет собой принцип безупречности поведения. В общих чертах мы можем пока сказать, что безупречность выступает вовсе не в форме душевной чистоты или нравственного совершенства, а как невозмутимость перед слепыми силами судьбы, как исполнение долга "воина", сражающегося за свою жизнь в меру отпущенной ему жизненной силы. Здесь мы вновь можем вспомнить о стоической морали — "желающего судьба ведет, не желающего — тащит" (Клеанф) и об учении Кришны о моральном долге воина и человека на поле битвы пандавов с кауравами.

Кастанеда вновь аллегорически рассказывает, как Дон Хуан преподавал ему урок понимания "безупречности по-

ведения". Однажды учитель и ученик проходили через крутое ущелье, как вдруг громадная глыба отделилась от каменной стены и прокатилась вниз с огромной силой всего в нескольких шагах от того места, где остановились наши герои. Дон Хуан извлек из этого случая следующий урок. Он сказал, что сила, которая правит человеческими судьбами, находится вне нас самих и не зависит от наших действий или волеизъявления. Иногда эта сила заставляет нас остановиться на нашем пути и наклониться, чтобы завязать шнурки ботинок, как это случилось в данном случае. И заставив остановиться, эта сила создает определенный удачный, благоприятный жизненный момент. Однако в другой день все может произойти наоборот. Та же сила заставит нас опять остановиться, в то время, как другая глыба прокатится точно по тому месту, где мы будем стоять. И на этот раз она заставит нас потерять определенный жизненный момент, что со стороны будет казаться непоправимым несчастьем. И поскольку человек не в состоянии контролировать эти силы жизни, его единственно возможная свобода в этом ущелье состоит в завязывании ботинок безупречно.

Сегодня мы слышим отовсюду призыв к состраданию и милосердию. Но ситуация, в которой оказалось человечество на исходе второго тысячелетия, требует от человека совсем иных духовных качеств. Мы все чаще остаемся наедине с судьбоносными силами космического, социального или духовного порядка, на фоне которых отношения людей проступают бледными следами высших сил. Самую волю обстоятельств современный человек поставлен в ситуацию выбора безупречного проведения, "магического" отношения к жизни, предполагающего непосредственное противостояние силам судьбы, а не их человеческим копиям. В нашем положении следует не сострадать, а крепиться духом, как это делал Христос, молящий о чаше. Порыв милосердия

- это безнадежная жалоба на общую участь людей. Мы чувствуем, что милосердия становится все меньше и меньше и никакими заклинаниями и усовершенствованиями жизни невозможно вызвать его на свет. И дело вовсе не в том, что в душах иссякла любовь, что сердце очерствело. Просто мы, не сознавая и не желая того, оказались повернутыми лицом к другим безликим, неведомым еще силам.

Отчаянная ирония перед неведомой силой космоса, самоубийственность перед всеуравняющим интересом социальности, долг перед единым духовным началом - вот те ценности, которые призваны определить нашу нравственную традицию. Эти ценности уже властно проступают в сегодняшней жизни, принимая на фоне наших моралистических установок видимость отчаянного саморазрушающего вызова жизни, социального эпатажа и эскапизма, трансцендентного самопогружения.

В этих приметах магической этики проступает живая сила гуманизма, ставящего человека в непосредственно привилегированное положение к судьбоносным силам универсума.

Александр ВАСИЛЬЕВ

УЧЕНИЕ ИНДЕЙСКИХ МАГОВ К.КАСТАНЕДЫ И ТРАДИЦИИ ХРИСТИАНСКОГО ГУМАНИЗМА

"Возлюбленные!...
испытывайте духов,
от Бога ли они"
(1 послание Иоанна,
19, 1)

Учение индейских магов¹⁾, изложенное в увлекательной и захватывающей форме Карлосом Кастанедой, вот уже два десятилетия будоражит умы людей, интересующихся проблемами психологии, оккультизма, магии и т.п. Но размышления о нем шли в основном в русле сопоставления его с родственными традиционными восточными направлениями - йогой, буддизмом, даосизмом и т.п. Неожиданная постановка вопроса В.Н.Назаровым, предложившим свою трактовку этических основ учения дон Хуана в качестве альтернативы традиционным ценностям христианского гуманизма - любви, милосердия, взаимопомощи, доброте, заставила по-новому взглянуть на роль этого учения в современном мире, на его соотношение с учением Христа.

Сразу оговорим, что данная статья не претендует на исчерпывающий анализ учения дон Хуана - Кастанеды, которого оно, безусловно, заслуживает. Мы ограничимся лишь теми моментами учения, которые непосредственно соотносятся с христианством. Но при этом постараемся исходить из целостного учения. А для этого необходим анализ не только текстов Кастанеды, но и выход в более

1) Мы полагаем, что использование дон Хуаном понятия "маг" имеет не конкретное обращение к какому-либо направлению магии, а общий характер - в смысле "колдун", "чародей", "волшебник" и т.п.

широкий контекст: задумаемся, почему это, прежде глубоко эзотерическое, учение, к которому и из своих-то допускались лишь избранные, вдруг через чужеземца решило поведать о себе всему миру?

Вот при таком подходе к учению, как рассказанному, можно более верно определить истинные его цель и смысл, находящиеся в подтексте изложенного Кастанедой. Тогда и может проясниться, является ли это учение альтернативой христианству или наоборот — само обращается к нему за помощью. Впрочем, не будем забегать вперед с выводами и рассмотрим все по порядку.

Прежде всего, постараемся разобраться, в самом ли деле этические основы учения дон Хуана противостоят христианству. В качестве альтернативы закону любви и милосердия выдвигается этика "безупречного воина" с подчеркиванием в ней момента "невмешательства в судьбу другого". Эта идея основывается на двух эпизодах, относящихся, что немаловажно, к начальным годам ученичества Кастанеды: случае с улиткой и с завязыванием шнурков, которое спасло героя от гибели в горном обвале. Не повторяя пересказа этих эпизодов, отметим только, что во втором случае обвал, на наш взгляд, специально произвел дон Хуан, (что с его способностями не составляет труда), а заключительная его фраза насчет "безупречного завязывания ботинок" вряд ли может восприниматься за чистую монету. Как пишет сам Кастанеда в предисловии к книге "Путешествие в Икстлан", во многих случаях подобные ситуации стали лишь педагогическим приемом мудрого наставника. В этом отношении учение дон Хуана соприкасается с педагогической практикой дзен-буддизма, где учитель сознательно использует приемы парадоксальной логики, отрицая очевидное и утверждая на первый взгляд абсурдное. Этот прием активизирует собственный поиск ученика, заставляет его непосредственно всматриваться в жизнь, а не полагаться на чужие готовые решения.

Поэтому будем принимать во внимание не только слова дон Хуана, но и его дела и посмотрим, в самом ли деле он придерживается концепции "невмешательства"?

Если приглядеться внимательней, эта позиция имеет весьма шаткие философские основания. Она исходит из двух постулатов: невозможности для человека до конца понять, во-первых, другое существо — его желания, замыслы, мотивы поведения, и, во-вторых, невозможности познать "замыслы судьбы" относительно любого существа, отчего наше вмешательство в жизнь других с желанием помочь, избавить от страдания и т.п. в конечном итоге приносит лишь вред. Так ли это на самом деле?

Первый постулат исходит из преувеличения степени отделенности различных существ, возводя относительную обособленность в абсолютную. При этом не учитывается, что любое обособление возможно лишь в рамках фундаментального единства мира, что единство мира исходно и первично, а различие отдельного производно и вторично и имеет внешний характер по отношению к глубинной сути бытия. Поверхностный взгляд обнаруживает непроходимую пропасть между человеком и улиткой, невозможность понять желания и стремления последней. Взгляд глубинный обнаруживает их сущностное единство, а значит — и принципиальную возможность понять другого, проникнуть в его переживания и поступки, то есть жить в соответствии со второй заповедью Христа: "Возлюби ближнего твоего, как самого себя" (Матф., 22-39). Если признать, что мы находимся в единстве с миром, то нетрудно, настроившись на волну улитки — ощутив себя улиткой, посмотрев на мир глазами улитки и т.п., — уловить ее потребности и мотивы и понять их.

Второй постулат — о непостижимости путей судьбы — вытекает из первого. Это вопрос о первой заповеди Христа: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим"

(Матф., 22-37). Эта заповедь означает: омути гармонию вселенной, вникни в законы мироздания, омути мир как самого себя – и тогда поймешь, нужно или не нужно убирать улитку с дороги. Нужно ли ее оставить на произвол судьбы, нужно ли проявить сверхуважение – до невмешательства – к другому, или – если ему нужна помощь и эта помощь не нарушает гармонии мироздания (Божественного закона), то наша задача и состоит в том, чтобы оказать ее.

В принципе, в позиции "невмешательства" есть неразрешимое внутреннее противоречие. Признание непостижимости путей судьбы неизбежно делает бессмысленным любое действие. Ведь как тогда определить критерии "безупречности"? А вдруг судьба как раз и послала тебя, чтобы ты спас улитку? Как определить правильность своего поведения без опоры на внешние ориентиры? Какой смысл в безупречном завязывании ботинок, если в данный момент надо делать совершенно другое? Да и вообще позиции "невмешательства" просто не может быть: ее ведь даже нельзя высказать, ибо, будучи высказанной, она уже самым фактом высказывания вмешивается в судьбы других и тем самым опровергает сама себя. Да и сам дон Хуан следует ли позиции "невмешательства", так упорно в течение 10 лет обучая Кастанеду? А сам Кастанеда, когда столь захватывающе увлекает людей своим учением? Что-то тут не так. Не так уж прост дон Хуан, чтобы не видеть этих противоречий.

Дело совсем в другом. В концепции "невмешательства" у дон Хуана есть своя правда, которая вполне совпадает с христианским учением, а именно: с положением, что "благими помыслами вымощена дорога в ад". Именно к этим "благим помыслам" неразвитого, эгонистического сознания и относится концепция "невмешательства". Когда человек не дозрел до заповедей Любви, когда он не может почувствовать ближнего как самого себя, именно тогда

попытка оказать помощь другому и превращается в проявление своеволия, навязывание себя другому, в грубое и неоправданное вмешательство в жизнь другого. Именно об этой "помощи" и говорит дон Хуан. В случае с улиткой Кастанеда получает отповедь не за помощь как таковую, а за то, что Карлос в этот момент действовал не как "маг" (человек с развитым сознанием) – с полным осознанием ситуации, всех причин и последствий поступка, а как обычный человек во всей своей духовной слепоте.

Когда мы говорим о любви и милосердии, то имеется в виду именно "милость сердца" – непосредственное интуитивное (а сердце, как обнаружили исследователи, и является органом интуиции¹⁾) вчувствование в окружающий мир, в существо окружающего мира. Большинство людей, стремясь помочь, исходят не из этого непосредственного ощущения ситуации, а из опосредованной системы понятийного знания – как надо поступать в подобной ситуации, как другие поступают, какие есть приемы воздействия и т.д. К чему, как правило, сводится подобная "помощь"? К замечанию или совету. Иначе говоря, к указанию на слабые места и недостатки другого. Но против такой помощи не только дон Хуан, но и Христос: "Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?" (Матф. 7-3). Что это за бревно у нас в глазу? А то самое умение видеть чужие недостатки и якобы доброжелательно (в лучшем случае) указывать на них другому.

Такая "помощь" не только не помогает, но унижает и оскорбляет того, к кому она направлена. Так что не против подлинной любви выступает дон Хуан, а против обычного ее понимания, сводящегося к формулам вежливости или чисто внешнему интересу к делам другого. Когда же сам дон Хуан учит Кастанеду, то есть

1) См.: Мартынов А.В. Исповедный путь. М., 1989. С. 70-71

помогает ему стать "безупречным воином", когда он помогает бедным индейцам ("Сказание о силе"), он это делает, отчетливо зная, кого, зачем и как надо поддержать и каковы будут последствия его помощи. Но не тому ли учит и Христос: "Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда ты увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего" (Матф., 7-5).

x

x

x

Надо сказать, что и в христианстве существует представление о невозможности для человека в его нынешнем духовном состоянии в полной мере осознать и постичь замыслы Бога и судьбы. Но вот выводы из этого делаются другие. При этом сравнении и обнаруживается ограниченность учения дон Хуана. Дух этого учения — дух Нагвала — это, по сути своей, языческий дух. Для него характерна типичная для всех дохристианских учений попытка решить проблемы гармонизации нарушенных отношений человека с миром (Богом) путем ограничения действий разрушительного характера. Это системы отрицательных заповедей, которые мы находим и в древних Ведах (ахимсы — непричинение вреда живому), и в Ветхом завете в заповедях Моисея: не убий, не укради, не прелюбодействуй и т.д.; в буддизме — с его отказом от кармических действий и стремлением уйти в нирвану; в даосизме — с его концепцией недеяния и т.д. Все это по сути своей заповеди "невмешательства". Тут прослеживается основной принцип дохристианских учений — отказ от деяний, могущих принести другим вред.

Подобный же ход рассуждений, родившихся как следствие неуверенности в своих действиях омраченного после грехопадения сознания человечества ("начало мудрости — страх Господень", как это сформулировано в Ветхом завете) определяет суть концепции "невмешательства" у дон

Хуана. Но ведь вместо этих заповедей и принес на Землю Христос закон Любви — сменив систему отрицательных заповедей законом положительным, утверждающим, побуждающим к открытости в мир и к другим существам, к воспитанию душевной тонкости и отзывчивости. Это более высокий уровень нравственного сознания. Но закон этот пока не отменяет действия предшествующей ступени, а только ограничивает ее. Для обыденного сознания продолжают действовать сдерживающие гнев и злобу, дурные мысли и эмоции отрицательные заповеди, в том числе и концепция "невмешательства" дон Хуана.

Для духов языческих, не принявших еще закон Христа, общение с высшими силами мироздания, с Богом-творцом по-прежнему затруднено, для них законы мироздания просматриваются, по меткому выражению апостола Павла, "как бы сквозь тусклое стекло, гадательно" (1 Коринф., 13, 12). Естественно, что и для духа учения дон Хуана высшие замыслы судьбы являются неизвестными, как был "неизвестным" Богом для греков Иисус Христос, когда апостол Павел стал им проповедовать о нем (Деяния, 17, 23). Отсюда и возникает мысль о непостижимости бытия. Но для тех, кто принял закон Любви Христа, всегда есть возможность, если и не через ясное осознание, то через веру и любовь, интуитивно, чувственным образом — обратиться к высшим силам и стать орудием их действия, независимо от невозможности проникнуть до конца в эти замыслы. Для этого служит мудрая формула ученика Христа: "Да будет воля Твоя, но не моя!".

Так ребенок может выполнять поручения родителей, не в полной мере понимая всю их обусловленность. Так работает рабочий на строительстве, не обязательно осознавая весь проект здания. Важно признать, что есть некто, который лучше меня разбирается в тайнах бытия и к кому всегда можно обратиться за уточнением моей части

работы по умножению гармонии мира. Следуя же до конца логике "невмешательства", надо отказаться складывать кирпичи на своем участке работы, потому что мы пока не осознаем всей целостности строительства. При такой трактовке позиция "невмешательства" превращается в разновидность вульгарного атеизма, согласно которой лучше признать непознаваемость мира, чем согласиться с существованием в мире более высокоразвитого сознания, чем человеческое.

Но учение дон Хуана подобной позиции не занимает. Идея "невмешательства" в нем — лишь маленький эпизод, связанный с взрослением ученика. Истинная суть позиции "безупречного воина" раскрывается в более поздних книгах Кастанеды. По сути дела концепция "безупречного воина" — это концепция любви по дон Хуану. Только он не любит самого слова "любовь", относя его лишь к сексуальной сфере. Любовь в духовном смысле дон Хуан определяет очень близко к христианству: как "отдавание себя свободно и безупречно" ("Сила безмолвия"). Это тот же самый идеал бескорыстной самоотдачи, добровольного служения, "несения креста" ("ибо иго мое благо и бремя мое легко" — Матф. 11-30), который мы находим в учении Христа.

О В.В.РОЗАНОВЕ
Интервью с В.Г.Сукачом

Нашу публикацию статей В.В.Розанова мы предваряем беседой Натальи Скоробогатько, с В.Г. Сукачом, много времени посвятившим изучению творчества В.В.Розанова.

Н.С.: Виктор Григорьевич, я познакомилась с предложенными Вами для публикации в нашем журнале статьями В.В.Розанова, статьями очень интересными и характерными, редакция с удовольствием их напечатает. Но в этих статьях, по сути, или пересказ чужих мыслей, или разговор по поводу трактовки других авторов, в данном случае — Ф.М.Достоевского. Но где же сам Розанов?

В.С.: Вы хотите представить читателям статьи с изложением положительных взглядов Розанова? Мне кажется, что таких статей в обширном наследии Розанова почти нет. Розанов, по-существу, комментатор. И все свои сочинения писал по поводу тех или иных культурных или общественных явлений. "По поводу..." — это даже нечто принципиальное, что отличает Розанова от современных ему писателей или мыслителей. Те сами "творили историю", были, так сказать, сами "историческими феноменами", осознавали себя центрами, Розанов же центр видел вне себя, он видел этот центр в жизни, или в Боге, сам же соотносил себя с этими центрами. И поэтому он всегда был "вторым". В случае писательства он тоже вторил жизни, писал "по поводу истории". В этом смысле можно сказать: Розанов вообще "исторический писатель". Мне могут возразить, указывая на его известные книги "опавших листьев", где он только и пишет о себе. Но я скажу, что

о себе Розанов никогда не писал, стыдился писать, а вот о феномене своего "я" он всегда писал, не уставал писать, потому что это "я" было всего более известно ему, более того — всего более неизвестно ему, и поэтому всего более интересно ему. Кроме того — через это "я" Розанов касался присутствия Божия на Земле. А Бог Розанова всего более интересовал. И тут он писал "по поводу..." своего "я". Но я должен указать раннюю книгу Розанова, философский трактат "О понимании" (М., 1886), где Розанов "творил философскую историю", то есть не был комментатором. Но это был начальный период творчества Розанова, закончившийся для него неудачей. Следующим сочинением Розанова, вышедшим почти вслед за книгой "О понимании", была "Легенда о Великом Инквизиторе" Ф.М. Достоевского", носившая подзаголовок и видовое определение: "Опыт критического комментария". Таким образом, Розанов почти сразу нашел оригинальную форму изложения своих творческих замыслов. Ни в коем случае "комментаторство" не умаляет творчества Розанова. Его нельзя приравнивать к тому приему, которым пользуются в современной литературной практике. Это — некоторая метафизика Розанова, несмотря на то, что Розанов все-таки много писал буквально "по поводу...", in concreto.

Н.С.: Тогда у меня такой вопрос: дело в том, что когда излагают чьи-либо взгляды, то это, как правило, бывает поводом для того, чтобы выразить свои. В статье Розанова о бюрократии я этого не заметила.

В.С.: В этом состоит специфика подачи Розановым чужих взглядов: он всегда был "добросовестным" в изложении рассматриваемых идей или взглядов. Наверное, здесь какие-то отклики его позитивистского воспитания, которое он получил в гимназии в 70-е годы. Розанов удивительно емко и точно формулирует чужие мысли, не примешивая своего содержания. Здесь нужно сказать о своеобразной личностной "неслиянности" Розанова с современниками.

Эта составляет его судьбу. С ней он и боролся, ей он и радовался. Но нельзя сказать, что Розанов "не выражал свои взгляды", высказываясь "по поводу...". "Свои взгляды", может быть, он не выражал, но "себя" определенно выражал, но не прямо, а косвенно, "начаянно". Можно сказать, что он "оставлял следы". И вот исследователь, если он пройдет по всему маршруту, и соберет "все следы", может очень много собрать "информации о Розанове".

Н.С.: Но, Виктор Григорьевич, когда говорят о русской культуре и Розанове, то подразумевается Розанов как философ. В чем же сущность его философии?

В.С.: С "философией Розанова", конечно, сложно. Только первый период его творчества можно назвать именно философским. В первую очередь это касается его первой книги "О понимании". Кроме того, нужно упомянуть и его студенческую статью, которая была представлена на конкурс студенческих работ и получила премию. Позднее она была опубликована в "Вопросах философии и психологии" под названием "Цель человеческой жизни". Далее идет вторая работа, уже названная мною, "О понимании", и еще 2-3 статьи, которые, по-существу, и завершают его собственно философский период. Еще надо добавить сюда мало известный и может быть мало соотнесенный с именем В.В. Розанова перевод "Метафизики" Аристотеля. После неудачи с книгой "О понимании" Розанов отошел от собственно философской деятельности. Он перешел к публицистике.

Н.С.: О какой неудаче идет речь?

В.С.: Неудача эта состояла в полном игнорировании книги философской общественностью. Были две небольшие, к тому же отрицательные, рецензии в литературных журналах, авторы которых посмеялись над книгой, не дав себе труда вникнуть в нее, оценить, преодолеть некоторую затрудненность восприятия текста. Розанов очень

обижался позднее, что в нем задавили философа. Он говорил позднее в автобиографии, что если бы его посетила удача на философском поприще, то он никогда не шалил бы так, как он шалил позднее в публицистике. Он относился очень серьезно к своему философскому избранничеству.

Н.С.: Можете ли Вы сказать, чьи философские традиции наследует Розанов? Чьи идеи вдохновили его на написание книги "О понимании"?

В.С.: Я боюсь, что мое мнение, выраженное в коротком интервью, может оказаться легковесным. Скажу лишь вот что: Н.Н.Страхов как-то говорил, что Розанов, по-существу, создал систему категорий, подобную системе категорий Гегеля. Розанов не соглашался с этой оценкой и относил ее на счет гегельянства Страхова. На самом деле Розанов пытался исследовать весь мир - космос и мир человеческий, чтобы найти общий знаменатель между знанием этого мира и пониманием его, некоторое согласие физического, духовного и нравственного мира человека. Эта идея, конечно, не была осуществлена им в книге до конца, но постановку вопроса, попытку его решения можно оценивать очень высоко.

Н.С.: Виктор Григорьевич, скоро ли выйдет эта работа у нас?

В.С.: Боюсь сказать что-либо определенное, учитывая наше неуравновешенное время, но над книгой работают сейчас, и, возможно, она скоро выйдет из печати.

Эта книга еще ждет своего критического осмысления, но сперва нужно, чтобы она просто пришла к читателю, к философской публике. Важно понять - откуда выросло такое громадное явление - В.В.Розанов! Важно понять истоки, начальное движение. Я думаю, что Розанов, тот, каким он стал в XX веке, не начинался с книги "О понимании". В этой книге он уже продолжался.

Когда я доискивался до истоков Розанова, я обратил внимание на его биографию. Я увидел, что Розанов начи-

нался совершенно другим. Факты его биографии говорят о том, что в гимназии 70-х годов он вырастал атеистом, социалистом и позитивистом.

Перемена произошла после знакомства с Аполинарией Сусловой, надменной Сусловой, которая к тому времени побывала во Франции, привезла оттуда роялистский дух и стала презирать все так называемое демократическое. Розанов вдруг увидел в ней осколок "великолепной вазы" и потянулся к ней из убогого быта "учителишек-социалистишек". И именно тогда он стал другим. Но в литературе он как бы не изменился и всегда оставался одним и тем же человеком. Все его сверстники рано или поздно изменились: были белыми - стали черными или наоборот. Розанов всегда был одного цвета. И эта одноцветность Розанова, на которой я настаиваю, не соглашаясь с Горьким, началась, как мне кажется, еще в долитературный его период. Этот поворот пришелся по времени на 1-2 курса университета. Он отмечал, что уже с 1-го или 2-го курса "Бог был с ним".

А вышел он из страшной тьмы, из "мерзости запустения". Сиротство, разлад в семье, злоба - ужасно! Отец умер, когда Васе было 5 лет, он рос сиротой. Мать умерла, когда Розанов был подростком. Он был предпоследним, шестым ребенком в семье.

Разлад в семье начался после того, как в дом вошел отчим. Орава у матери была большая, ее надо было как-то кормить, и мать, Надежда Ивановна, купила, переехав из Ветлуги, в Костроме дом, в который она стала пускать пансионеров, "нахлебников", как их в семье называли. И вот один из них, семинарист Иван Воскресенский женился на Надежде Ивановне, ведь она была молодой (она и умерла молодой - от рака). Дети не приняли отчима и грезнили свою враждебность и на мать.

Н.С.: Виктор Григорьевич, давайте вернемся с Вами к разговору о Розанове как философе.

В.С.: Философские позиции Розанова определить довольно трудно, потому что он всегда оставлял вещи неопределенными. Неопределенность вещей, бессистемность взглядов являются принципом Б.В.Розанова. Это отмечают многие.

Причем бессистемность Розанова — это не есть его система. Бессистемность — это некоторая позиция, он не хотел, чтобы вещи заканчивали свое существование. Как только мы их определяем, они подходят к концу, а конца Розанов не терпел. Говоря о философских взглядах Василия Васильевича, надо иметь в виду, что он совсем не вписывается в традиционный тип философа. Его скорее можно назвать мудрецом. Многие, особенно имеющие вкус к Розанову, видят у него колоссальную насыщенность слова, мудрую содержательность его высказываний. У Б.В.Розанова не было объекта делания. После того, как было погублено его преднамеренное творчество, Розанов как бы пустил себя "на самотек". Он, по его выражению, зарабатывал "детishкам на молочишко". Он стал писать "по поводу" — рецензии, газетные статьи (или, как их называли раньше, — фельетоны), заметки. Сюда же можно отнести и "Опавшие листья", которые тоже были обронены "по поводу". И вот эти письма "по поводу" — это, по-существу, принцип Розанова.

Когда к Василию Васильевичу пришли Д.Мережковский и З.Гиппиус знакомиться, то увидели, что этот человек "фамильярничае" с "проклятыми вопросами", то есть он как бы обрел истину и писал уже о вещах для него значимых.

Мне кажется, что все сочинения Розанова — это некие "опавшие листья", которые роняла его личность в процессе своего роста. И наблюдать самоосуществление такой неповторимой личности очень интересно. Розанов как бы не шел своим путем, а его, как он считал,

"вел Бог". И он доверился Богу. Это и определило его самобытность. Потому, что мы все идем за кем-то и куда-то, часто вопреки своей природе, своей индивидуальности.

Б.В.Розанов говорил: "Авраама призвал Бог, а я сам призвал Бога". Отсюда и цельность Розанова: все, что высказал, обронил "по поводу" — это листья, опавшие с одного дерева. Только праздному читателю может показаться, что творчество Розанова пестро и разноречиво. На самом деле Розанов всегда верен себе. И это станет очевидным, когда будет собрано и издано все его наследие.

Н.С.: Виктор Григорьевич, а за что, в первую очередь, будут собирать Розанова, что в нем, на Ваш взгляд, имеет особую ценность для нас?

В.С.: Мне кажется самым замечательным в Розанове вот что: он имел вкус к началу. Как начинается жизнь человека? Как Бог начинает жить в человеке? Мы же сейчас, абсолютно все погубив и разрушив, опять возвращаемся к началу. И тут интересно будет обратиться к Розанову. Он, например, говорил: "С чего начинается религия? Религия начинается с первого поклонения. Куда она пойдет, как она потом назовется — еще не известно, а начало уже есть". И Розанов всматривается в это начало. Это внимание к началу, такое серьезное отношение к нему и к тому, куда пойдет это начало, есть проявление глубокой культуры...

Или взять отношение Розанова к человеку. Для него человек — единственное, перед кем он смиряет дух. Он заявлял, например, что Бог может ему, Розанову, все простить, но за обиду человека Бог никогда не простит. Поэтому деликатность около человека, можно сказать, — новая заповедь Розанова. Он говорил еще, что человек — Бог на земле, и ему должны служить боги мира.

Н.С.: Но ведь это о языческих богах речь идет...

В.С.: Да, о языческих. Розанов говорит, что, конечно, есть единый Бог, но "я о нем не ведаю". Получается некий колоссальный антропоцентризм, который доходит до уровня бакунинского анархизма. Но, с другой стороны, Розанов признает Бога, которому человек подчиняется полностью.

Богopodobие – вещь для Розанова сложная, это уже из области догматов, а догматы он не особенно принимал: "Это дело "генералов", а мы, люди простые, должны молиться и плакать, трудиться и украшать землю". Розанов говорит, что на Руси колокольный звон для человека гораздо важнее, чем проблема филиокве.

Н.С.: Как Вы считаете: Розанов – явление мировой культуры или только российской?

В.С.: Розанов – наипредставительнейшая фигура русской культуры. Этот выходец из ствола русской культуры, из ее глубин дает такую каплю национального, которая содержит в себе элемент мировой культуры вообще. Однако, на Западе Розанов – совершенно неизвестная фигура. Его, я думаю, тяжело переводить на другой язык. Его даже русские не очень воспринимают, особенно нынешнее поколение, многое растерявшее.

Розанов – фигура для современного человека малопонятная, и это не удивительно, потому что сейчас развито сознание потребительское, выхолощенное. Мы относимся к вещам только тогда хорошо, когда мы можем найти им какое-то применение, когда с их помощью мы можем, например, стать более сильными, ловкими, нужными и так далее. А с Розановым каким образом объединиться? Он будет тащить в сторону, он разрушит все твои идеалы, подорвет твоё благополучие. Это человек опасный.

Н.С.: Виктор Григорьевич, не кажется ли Вам, что Розанов оказал большое влияние на "короля фельетонистов" Власа Дорошевича, на его стиль, язык?

В.С.: Слово Розанова очень переливчатое и влиятельное. Мне кажется, что он оказал влияние на прозу М.Цветаевой, О.Мандельштама, да и целый ряд можно назвать людей, которые после Розанова начали писать именно такими рваными, "нечаянными" мыслями, модернистской прозой. Под его влиянием в газетах того времени стала модной такая импрессионистическая подача материала. Думаю, что и на Дорошевича он тоже повлиял, на его язык, но не на содержание.

Надо отметить большое влияние Розанова на Д.Мережковского. Это многие отмечали. Мережковский умеет очень тонко пользоваться розановскими источниками. Причем, и на него Василий Васильевич оказал влияние не столько в содержательном плане, сколько в приемах.

Н.С.: Расскажите по-подробнее о Розанове как о личности.

В.С.: В Розанове осуществлялась самовозрастающая, самоосуществляющаяся личность. Понять такую установку, такой стиль жизни мне помогает знакомство с китайской "Книгой перемен". Жизненный путь человека рассматривается там отнюдь не так однозначно, как в европейской традиции. Он совершенно отличается от нашего прямого и непрерывного движения, движения к цели. Самое важное у нас – достичь цели. Даже смерть не так важна, как важна цель. А в восточных философиях нет "прямой" телеологии. Вот так же и Розанов следовал за Богом. Он шел своим особенным путем. И религиозный путь его тоже был свой, особенный. Розанов вообще – дохристианский человек.

Н.С.: Языческий?

В.С.: Нет, не языческий. Ведь ветхозаветные верования иудеев тоже были до Христа. И пророк Исаия тоже не был язычником. Розанов был ветхозаветным христианином. "Ветхий завет" – еще не христианство, но возможность христианства. Розанов шел по дороге, которая должна была привести к встрече с Христом. В некотором

смысле можно сказать, что он разделил судьбу древних иудеев, не приняв Христа. Но это вопрос сложный, тонкий, очень деликатный. Говорить о Розанове нужно в категориях "возможности", а не "ставшего". Розанов потенциален. В теме потенции он был как у себя дома. Вот эта розановская "потенциальность" и проявилась в его отношении к религии. Движение израильтян и всей ветхозаветной жизни — по-существу, потенциальное, надеющееся. Потенциальный путь еврейского народа дает совершенно иной тип, чем тип "актуальный", христианский, где явление Иисуса Христа свершилось.

Драматичность семейной жизни Розанова, рождение незаконнорожденных детей, невозможность разрешить эту ситуацию даже на самом высочайшем уровне привели Розанова к проблематике семьи. И он увидел, что муж и жена как семейная пара — это, по-существу, римская ситуация. На самом деле в христианстве нет такого института — моногамии. Наоборот, в "Ветхом Завете" была полигамия. Вот тогда-то и начался отход Розанова от христианства. Тут началось его так называемое "антихристианство". Это было в 1898 году. Розанов начинает заниматься "темой пола". Он был настолько философ в душе, что ему надо было не просто решить свою проблему, а исследовать вопрос. Ему говорили: "Василий Васильевич! Да устроим мы как-нибудь твою жизнь, оставь ты эти писания!". Но: "Я хочу знать до конца". И это знание далось ему тяжело. Он занимался, в частности, проблемой незаконнорожденности. Он говорил, что не может быть у Бога незаконнорожденных, это какой-то абсурд совершенный.

Еще надо отметить: Розанов — колоссальный агностик. "Ничего не вем!". "Вот, — говорит, — В.С. Соловьев помер, теперь ему все ясно, а мы ничего не понимаем здесь на земле". Розанов религиозен субстанционально. Л. Шестов говорил, примерно, так: "Ругающийся, бунтующий

Розанов гораздо больше о религии несет, чем Бердяев, специально пишущий на религиозные темы".

Н.С.: Виктор Григорьевич, я долго не могла преодолеть внутреннего сопротивления в своем восприятии Розанова. Многие его заявления просто шокировали, скажем, его заявление о себе, что "я гнида, которая копошится у корней волос". Преодолеть этот барьер мне неожиданно помогло эссе Венедикта Ерофеева "Василий Розанов глазами эксцентрика". Таким образом, помощь пришла не от философов, интерпретаторов Розанова, а от писателя и поэта. Чем Вы объясните такое "странное сближение"?

В.С.: Ерофеев очень хорошо чувствовал Розанова. Более того, мне кажется, что Розанов имел определенное влияние на художественное сознание Ерофеева. Я замечал, что строй поэтики Ерофеева сближается с поэтикой Розанова. Это одна сторона. Другое — как в Розанове, так и в Ерофееве, мы видим дискредитацию "гуманистической культуры", которая в русской художественной литературе приобрела избыточную форму. Как Розанов, так и Ерофеев, "уже стыдятся" называть вещи своими именами, поскольку они утратили нравственную полноту. За вещами Ерофееву, (как и Мандельштаму), вслед за Розановым пришлось ходить, что называется "воровским путем". Или путем Орфея, которым он выводил Эвридику из царства мрака.

Но поскольку мы, как я уже говорил, люди потребительского общества, которое сформировала идеология просвещения, идеология торжества разума, то нас, конечно, шокирует "гнида" Розанова. Мы не желаем ломать свое лицо, фасад нашего существования. Мы только не замечаем, что наше лицо давно уже одеревенело, потеряло всякую жизнь. И такие художники, как Розанов и Ерофеев, это чувствуют за версту. И им нужно сломать этого идола, это лицемерие нынешнего дня.

М.П.СОЛОВЬЕВ И К.П.ПОБЕДОНОСЦЕВ О БЮРОКРАТИИ

- Умно ли чиновничество?
- О, да...
- Добродетельно ли?
- Середка на-половину. И так, и этак. Как все.

Этими тремя ответами очерчивается чиновничество огромной России, первоклассной державы, с великим историческим будущим, с значительным прошлым. До 17-го октября все в России и вся судьба ее делались "чиновником", бубально как та фантастическая "луна" у Гоголя, которую делал "гамбургский бочар". Россию сколотили, сбили и выкрасили чиновники. Россия вся есть произведение чиновника, творчество его; это есть "дом, им построенный", по его разуму, по его вкусу, по его вдохновению, или, вернее, по его безвдохновенности: вполне удивительно, что мы собственно не знаем лица и души этого своего строителя, его быта, жизни, замыслов и фантазий.

- Очень серо. Неинтересно...

Но, Боже: это-то и интересно, что строитель так неинтересен! Ибо ни от чего другого, как от этого, зависит и "неинтересность" самой постройки: а ведь это — мы и наша земля, наша судьба! "Неинтересна" Россия, как строй, государство и держава единственно от того, что ее строил "неинтересный чиновник"... Согласитесь же сами, что раз обернулось так дело, раз сколотилась эта зависимость вещей, — мы должны подлинно разучить, разведать, что такое "русский чиновник".

Русская литература, в обширном ее объеме "печати", решительно не исполнила этого дела, не заметила важности темы: "Ведь чиновники нас сделали" — от этой аксиомы

некуда деваться, от нее нельзя зажмуриться. Зажмуривайся или не зажимуривайся — дело стоит, как оно есть. А дело это — дело всей России, судьба всей России. Приятен или неприятен объект — вы его обязаны изучить, раз он так значителен. Медики изучают не одни красивые недомогания, бледную девичью немочь и "интересную" чахотку, а копаются во всяких язвах человеческого тела, иногда невыносимо зловонных! Социологи, или обширнее, литературе давно пора взять в образец "ничем не брезгующую" медицину и, как она, копаться во всем важном.

На чиновников писались одни сатиры: на их бездушие, на их формализм! Но ведь отчего это? Откуда? Ведь те же люди, как мы, из одних семей с нами? Чиновники — наши братья и дяди, друзья наших друзей. Что такое "чиновник" в отношении общества? Что он такое по сравнению с "общественным деятелем", врачом, адвокатом, ученым? Все это интересно. Провести параллель между чиновником и помещиком? Очень важно. Но все это важное решительно не сделано. Гениальные русские художники, как Гоголь и Грибоедов, решительно не могли проникнуть в суть чиновничества уже в силу именно гения своего и тех качеств разности, силы, уверенности и отчасти гордости, особенно гордости, какие не могут не быть присущи человеку, гениально одаренному; между тем как объект наблюдения в данном случае так тускл, сер и обыкновенен. Эти гении русского слова могли только облить желчью и презрением чиновника.

Но чиновник уперся и остался...

Суть-то и заключается в том, что он "остался". И все "великие" и "святые" русской земли умерли, а чиновник все стоит по-прежнему. Сидит и пишет. И из "писанья" этого выходит Россия.

Может быть, это ужасно. А может быть, и не так ужасно. Может быть, это необходимо, неизбежно? Или этого можно было бы избежать? Никто хорошенечко на эти

вопросы не отвечал, да они собственно и не предлагались никогда во всем своем глубоком объеме.

О чиновничестве мне пришлось выслушать два замечательные суждения, поразившие меня. Одно принадлежит М.П.Соловьеву, другое — К.П.Победоносцеву. Соловьев долгое время был юрисконсультантом при канцелярии военного министра, знал юриспруденцию и уважал ее; но любимым его делом было рисование миниатюр к Данту. Он несколько раз путешествовал по Италии и подражал в рисунках художнику Возрождения Джотто. Потом сделался главноуправляющим по делам печати; был любим Горемыкиным, но потом разошелся с Сипягиным и был уволен с причислением к совету министра.

Покашливая, он сказал раз мне в ответ на большие мои порицания чиновничества:

— Вы не знаете! Чиновничество гораздо сильнее даже державности; чиновничество переживает самую державу русскую.

Опять закашлялся:

— Держава... Что такое она? Риза, красота на чиновничестве. История изменчива. Могут пронестись ветры и унести эту красоту, сорвать и разорвать ризу. Но никакие ветры не сломят чиновника... После революций он также останется, как был до них, и будет продолжать делать то же прежнее свое дело. Чиновничество и его принцип, его начало, его метод устойчивее самого монархизма; и, если хотите, оставляя на ризе все блески, всю позолоту, оно в силах отнять всевластие и произвол у нее... Чиновничество так сильно, что оно может справиться и с самодержавцем, заставив его исполнять свою волю, а не повинаясь его воле. Говорят о "конституции": да чиновничество — это и есть русская конституция, т.е. в зерне дела — в ограничении всевластия и личного произвола, безграничного "хочу". На самодержавное "хочу"

чиновник отвечает "нельзя", и жизнь идет по "нельзя", а не по "хочу".

А такой был тихий этот Соловьев, — созерцатель и кабинетный человек. Чтобы слова его о чиновничестве вставить в нужную рамку, приведу два других его побочных суждения:

Говоря о богатстве и силе литературы 60-х годов, он раз заметил:

— С появлением каждой новой вещи Шедрина валился целый угол старой жизни. Кто помнит впечатление от его "Помпадуров и Помпадурш", его "Глуповцев", его "Балалайкина" — знает это. Явление, за которое он брался, не могло выжить после его удара. Оно становилось смешно и позорно. Никто не мог отнестись к нему с уважением. И ему оставалось только умереть.

Значит, смешную сторону в чиновниках он знал. И ему это не мешало считать их "вечным явлением". Как-то заговорили об императорах Павле 1-м и Александре 1-м. Он очень критически отнесся ко второму и к тому титулу "Благословенный", который дала ему история и потомство. Я, на слова эти, сопровождаемые указанием на факты, выразил порицание историкам-панегиристам.

— Историки пишут, как им должно писать, — ответил он. Зачем читателям знать полную правду? Это дело ученых. Обыкновенный читатель — народ. А народ должен видеть царя не иначе, как в ризе. Так рисуют на лубке и так должен изображать каждый Карамзин. А приватные разговоры — это другое дело. Они не имеют значения и могут быть свободны.

Когда он произнес: "нужно показать царя непременно в ризе", он улыбнулся той улыбкой, в которой для меня мелькнул острый глазок Шедрина.

И все-таки "чиновник вечен". Почему? Да какой ветер, в самом деле, его сломит? Чиновник так мал, что не даст площади упора для ветра, и буря пролетает мимо

его, не задевая его. Ветер ломает того, кто ему сопротивляется. Он ломает Людовиков, сломил Наполеона, Бисмарка... Но если самый принцип чиновничества, — заметьте: принцип — заключается том, чтобы повиноваться, чтобы не оказывать сопротивления, то что же с ним делают революция и ряд революций? Он перед каждой согнется, каждой скажет: "чего изволите"; и когда они все пронесутся, сломав сословия, веру, весь прежний социальный строй, из-под стола опять вылезет столоначальник, и, разложив свои бумаги, начнет вписывать в эти графы всякую действительность, т.е. планировать на бумаге жизнь, снова назначит всем жалованья и пенсии, установит награды, пожалуй — ордена или их суррогат; и опять начнется... вековечное чиновначалие и чиновпочитание!..

Ужасно хочется заплакать. Но это, повидимому, — так.

Проблемы этой во всей ее глубине никто не рассмотрел.

Я, однако, приведу второй взгляд, Победоносцева. Когда я из провинции переезжал в Петербург, то бывший очень дружелюбным со мною С.А.Рачинский, основатель знаменитой школы в Татеве (Смоленск. губ.), сказал мне, что если я буду иметь какую-нибудь нужду, заботу, тревогу в Петербурге, то всегда могу обратиться к Победоносцеву, и он поможет. Такой случай выпал, когда председатель петербургского цензурного комитета, помнится — Еленев, распорядился вынуть из сверстанной уже книжки журнала "Русский Вестник" мою статью: "О подразумеваемом смысле нашей монархии". Книжка была сверстана, оклеена обложкой и готова к отправке на почту: и вдруг — задержка, хлопоты и неудобства. Редактор Ф.Н.Берг спросил меня, не знаю ли я кого-нибудь, кто мог бы избавить журнал от этой неприятности, т.е. похлопотать, чтобы статью оставили.

Я рассказал ему тогда о возможности обратиться к Победоносцеву. Он просил меня сделать это. И я отправился. В час неприемный и вообще совершенно приватный.

Статья была в защиту старой царской власти, как ее выработали Москва и Петербург XVIII-го века. И — против чиновничества, которое, как гангрена, съело и самую царскую власть в ее прежнем обаятельном значении, дорогом для каждого русского.

Дежурному чиновнику я передал суть дела и передал самую статью. Он отнес ее к Победоносцеву. Победоносцев не выходил с полчаса, и, как я увидел потом, он в эти минуты прочел все 30 страничек, какие она заключала в себе.

Победоносцев был человек впечатлительный, волнуемый, раздражающийся больше той причины, какая вызвала раздражение. И это я увидел с первого же момента. Он вышел ко мне в длинном скорее поношенном сюртуке, с руками, неопратно торчащими из рукавов, казавшихся короткими. Происходило это впечатление от огромных, мясистых и подвижных его пальцев, естественно не прикрытых рукавами: но эти пальцы (инстинкт власти?) занимали такое непропорционально большое место в его фигуре, что от естественной голизны их сюртук и производил впечатление укороченного в рукавах.

Он был задумчив и, я почти скажу, — вдохновлен государственной мыслью. Статья такого содержания, как критика монархии и чиновничества, не могла не вызвать в нем всей силы отпора. По натуре же Победоносцев был спорщик, который и внутренне, в себе, и молча продолжает начатый вслух спор. Этим полным спора человеком он и вышел ко мне. Сели. И перелистывая статью, он останавливался на отмеченных им карандашом местах и стал говорить...

Что, конечно, чиновничество ничего не умеет и не может: но чем вы замените его? Чиновничество все-таки

связано долгом и службою: и его все-таки можно потянуть за эту нитку, или связать этой ниткою, смотря по тому направлению, какое оно примет. Но кого же поставить на его место? Частное лицо, ряд частных лиц? Что такое частный, гуляющий, праздный человек? Чем вы его удержите? Какое у вас есть средство указать ему, поставить предел? А согласитесь, что частный человек может иметь злую волю. Согласитесь, что он может быть глуп, как и чиновник. Но для чиновника фантазия не есть закон: ибо он весь в дисциплине, завязан и связан. Вы эту-то дисциплину и отрицаете, отрицая бюрократию. Вы говорите: "смысл монархии погиб от бюрократии". Может быть. Но тут нечего делать. Я защищал бы вашу статью, если бы механизм исторического упадка государственной власти вы объяснили на примере французского королевства или австрийской империи, но вы объясняете это на примере России, и среди нашего общества все это может принести только один вред. Все, что вы говорите язвительного о бюрократии, подхватят стоустой молвой и разнесут, и захихикают, а то, что вы говорите уважительного о государстве, на это не обратят ни малейшего внимания. Возьмут злое, а советы откинут прочь. Отвратительное заключается в том, что чиновников все еще много. Вот основали новое министерство земледелия. К чему оно? Кого оно будет учить земледелию? Да оно само ничего не знает. Но это — от растерянности. Центральная власть растеряна. Она видит, что ничего не делается, что страна приходит в упадок; она совершенно беззащитна перед критикой социалистов, которые не суть легкомысленные люди или безбожники, а совершенно правильно указывают на полную немощь теперешнего государственного строя в деле уврачевания самых больных язв народного быта и строя. И власть конвульсивно хватается за последнюю у нее оставшуюся надежду — еще создать учреждение; она строит новый департамент или учреждает новое министерство, которое может

быть, начнет работать лучше, чем предыдущие. Но происходит то, что вы рассказываете: новые чиновники, как и прежние, раскрывают рты и начинают есть народный хлеб. Надежда на новые учреждения — самая иллюзионная; но это не наша русская слабость, ею заражены все правительства, и все правительства она обманывает.

Слова его о справедливости критики социалистов удивили меня: никак нельзя было ожидать этого от Победоносцева. Все, что носилось о Победоносцеве в обществе — совершенно противоречило тому, что я видел.

Он походил на старого университетского профессора, разговаривавшего с пришедшим к нему студентом на любую тему своей кафедры. Не могло быть и вопроса о полной искренности, правдивости и глубокой простоте и естественности этого человека. Полная противоположность нашему Исидору Исидоровичу, который только делал "позы" — перед публикой, перед чиновниками, перед академией и печатью, даже, наконец, в церкви.

Потом только через много лет, мне стало приходиться на ум: "кто так хорошо говорит, не умеет хорошо делать. Это — не работник, не государственный человек, а был и остался профессором. Полная противоположность Витте".

Он говорил, перелистывая страницы моей статьи, беря из нее цитаты и возражая на них. В конце статьи шло исключительно дело о лице монарха: как оно погасло в тучах чиновничества, облепивших его со всех сторон, влекущих его к подписанию бумаг, совершенно мелких. Как пример, я приводил сведение, ставшее мне известным из "делопроизводства" нашего департамента. Николаевской железной дороге надо было расширить площадь угольного склада в Петербурге; для этого прикупилось несколько саженей земли около вокзала. За землю платились деньги. Наш департамент рассматривал те расходы этой дороги, какие относились на облигационный капитал, т.е. на

заем дороги, с коего процент гарантирован казною. Из обязательства гарантии вытекало право рассмотрения расхода, и, в частности, правильности его отнесения на облигационный капитал. И вот в "делах" мне попалось сведение, что расход на увеличение угольной станции Николаевского вокзала был отнесен на облигационный капитал "по Высочайшему утверждению". Странность, что Государь Император, на заботе коего лежит вся Россия, который должен думать об армии, о флоте, о просвещении, о суде, наконец, даже о железных дорогах, — вообще о целой России, привлекается через особый чей-то доклад к рассмотрению вопроса, нужно или не нужно Николаевскому вокзалу несколько десятков саженей для угля, и отнести ли плату за эту землю на облигационный или на акционерный капитал тогдашнего главного общества российских железных дорог, — случай этот поразил меня удивлением, и я иллюстрировал им свою общую мысль о положении Царской власти в системе государственного управления. Победоносцев прочел это и стал говорить.

— Конечно, Государь только припечатывает то, что мы ему подаем к подписи.

То есть?

— Благословляю, благословляю... Делайте, делайте...

Это и есть то "самодержавие чиновника", о чем говорил М.П. Соловьев, как о вечном принципе.

В самом деле, если "остается только подписать", — прежде всего потому, что дело, например, о покупке земли для угольной станции не может и не должно быть известно и понятно министру, ибо тогда у министра не остается ни одной минуты для более важных и принципиальных дел, — то тогда, конечно, управляет всем чиновник, составлявший бумагу "к докладу". Собственно, "отнес все на облигационный капитал", гарантированный казною, не тот, кто "ее утвердил", тот, кто писал докладывающую

бумагу, кто ее сочинял. Кто это? Лицо неизвестно. "Чиновник..." Точнее — оно никому неизвестно. "Верно который-нибудь статский советник"... Погонмы видны, лица не видно. Лица вообще у чиновника нет. Его задвинул чин, класс должности. "Который-нибудь статский советник"... И туча их, бесцветная, серая, по мнению некоторых, будто бы вечная, и пишет все "бумаги", всякие "доклады и отношения" и через это незаметно "совершает весь ход России".

Но кто это? — Просто мы этого не знаем.

Не знаем иначе чем в анекдоте. Но анекдот, — не наука. И анекдот также — не сила.

Даже гений только проскользнул над чиновником. Гений Гоголя и Грибоедова.

А чиновник все же остался. И захоти он серьезно, захоти своевременно — "Горе от ума" и "Ревизор" не увидели бы света. Ибо "дозволяет к представлению" все чиновник же, непременно чиновник, и притом один чиновник.

— Великое, неведомое, безыменное, обнявшее политический мир. Стихия его, воздух его, климат его, — "общее условие" всего существующего.

Новое слово, 1910, № 1.

ОДНА ИЗ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ИДЕЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

"Записки из подполья" Ф.М. Достоевского есть "unicum" в русской литературе, ни на какое другое произведение в ней не похожее, чрезвычайно ценное и многозначительное, не "войдя" в которое, совершенно нельзя понять Достоевского, не "преодолев" которое, чрезвычайно трудно двигаться или продолжать двигаться "вперед" по стезе человеческого прогресса, немного розовой, немного даже "румянощекой" и, во всяком случае, очень счастливой стезе... В "Записках из подполья" поднялся некоторый "бледный ужас", terror palidus античного мира, перед всеми, надеющимися на человеческое счастье на земле и высчитывающими по пальцам время прихода этого счастья и торжества его... "Никогда этого счастья не будет, - сказал Достоевский, - и самое высчитывание его по пальцам не только теперь, но и всегда останется просчетом, неудачей, путаницей...". "Счастье - в несчастье, - продолжает он как бы мировую диалектику, - и оттого оно неосуществимо...". "Счастье для каждого - исполнить свое хотенье; не разумное, не благородное, не полезное для него по высчитыванью чужих соседей, всемирных филантропов или всемирных умников, а вот именно только свое и именно хотенье, да еще, - шепчет он, - с разными почесываньями...". И совсем на ухо внушает: "В почесываньях-то все и дело - каждому хочется по-своему почесываться, и иногда так, что вслух он ни за что не скажет... Но он разобьет всякую великолепную действительность, для него разумниками построенную, чтобы взять который-нибудь осколочек этого великолепия

Александр Закржевский. "Подполье". Психологические параллели. Киев. 1911 г.

и им по-своему почесаться, поскрести зудящую точку своей души или своего тела, - ну, все равно, душонки или поганого тела... Но однако же, человеческого тела и человеческой души, выше которых, ведь, мир ничего не видал и Бог ничего не создавал... Ради которых - история, всякий прогресс; для которых старается цивилизация и приходили все праведники".

"Хочется почесаться..." Кому, как, - все равно!!

И все теории разбиваются об этот физиологический факт, физиологический и вместе психологический, об этот, наконец, универсально-метафизический факт человеческой природы, человеческого душеустройства и даже историко-строения. "Не учтете, господа!" - "Не уловите, господа!" - хохочет из своего "подполья" дикий и гениальный человек, злой и насмешливый человек, которому "добро", "нравственность" и "братство со всеми людьми", "счастье этого братства" даже на ум не приходило...

"Не учтете... И я останусь один и свободен! - вот вывод, доказанный, как теорема, в философии Канта, и вместе вот крик каторжника, с его распаленным нутром, поглядывающего на темный лес, ошущающего кистень под отрепьем одехонки.

"И уйду! Уйду! Может, сотворю и святое, но если захочу. Удивлю мир подвигом, но если... захочется. Если же вы перечислите мне, протянете руки к моим рукам, чтобы схватить, удержать, задержать, - залью мир преступлением, и вы содрогнетесь".

Царь и каторжник... Нужно заметить, в каторжнике всегда есть немножко "царя", - ну "царя" сказок и детского вымысла, по жажде им свободы, по странному ощущению какого-то врожденного права на эту "свободу", на безграничное-"я хочу".

Безграничность, неуловимость, всеобъемлемость "я хочу", наконец, всеправность "я хочу" Достоевский противопоставил всемирному "я понимаю". И его "я хочу" разбило "они понимают".

Теория разбилась о факт.

Нужно читать у самого Достоевского гениальные изгибы диалектики "подпольного человека", перерывающиеся хохотом, буквально: "Ха-ха-ха! Умники..." Читать действительно исчерпывающие полностью возражения против "разумного устройства жизни человека", — главная тема возражений, — чтобы сразу почувствовать, что тут под формой почти беллетристического произведения, под вуалью слабой, неохотной беллетристики Достоевский сказал свое душевнейшее "верю и знаю", изложил свое вероисповедное "credo"... Когда-то вся Россия почувствовала, что в Позднышеве "Крейцеровой сонаты" говорит сам Толстой, исповедуется сам Толстой, призывает к новому решению сам Толстой... Толстой был вообще весь и всегда "в удаче", и его "Крейцера соната" еще в литографском тиснении была прочитана всю Россию, и Россия о каждой странице "Крейцеровой сонаты" не только подумала, но и мучительно ее пережила. Достоевский, напротив, был и до сих пор остается "в неудаче". Совершенно изумительно, что "Записки из подполья" при появлении своем не обратили на себя ничего внимания, и современных критик на эти "Записки", возражений против них, даже простого озвучивания с ними, прочтения их мы не знаем. "Так, статья какая-то в журнале"... Между тем, "подпольный человек" есть такое же "alter ego", такой же "литературный плащ" для духа гениального писателя, как "Позднышев" или как повторяющийся в разных произведениях "Нехлюдов" для Толстого...

— Где мысль, образ, наконец, физиология Толстого?

— В "Позднышеве", в "Нехлюдове", вечно думающих о нравственном добре... Вечно к этому усиливающимся, но

— слабых на пути и оплакивающих слабость свою евангельскими слезами.

— Где Достоевский и его секрет?

Не сразу ответишь и только прошепчешь:

— Конечно же, в "подпольном человеке"! Безымянном, страшном...

Характерно, что "подпольный человек" фамилии не имеет, имя его не сказано. "Просто — человечество! Все!"

Демократ и царь. По мысли — царь, по "почесываниям" — демократ.

х х

х

"Человек бывает в двух видах: в департаменте, на балу; но бывает еще в бане. Я люблю человека в бане. Тогда я вижу его всего и без прикрас. А то он так завешен мундирами, орденами, подвигами и пенсиями, что не разберешь".

Вот тезис Достоевского, тон исповедания "подпольного человека", тон самого Достоевского. "Когда вы строите человеческое счастье", то вы строите его собственно для одетого человека, такого-то ранга, такого-то положения, такого-то оклада жалованья и такой-то пенсии. Это скучно и неверно. Такие штаты расписать легко, и все наши теории счастья, от Бентама, от Руссо, от Милля, от Кетле и до Писарева, — просто департаментская жалкая работа, которую удовлетвориться могут старички на пенсии, но которую никогда не удовлетворится... молодость, гений и преступность. Просто, — не удовлетворится голый человек, "в натуре"; купец в бане и я в подполье. Вы построите искусственное счастье для сочиненного человека, для искусственного человека, для вами выдуманного человека. Просто, и вы притворяетесь, когда сочиняете теории, и притворяются ваши читатели,

когда делают вид, что им верят. Сбросьте притворство, вот как я, и получите критику, хохот и диалектику "подпольного человека".

"Записки из подполья" – такой же столп в творчестве Достоевского, как и "Преступление и наказание". Здесь – мысль, там – искусство. Самое "Преступление и наказание" нельзя понять без "Записок из подполья". Без них нельзя понять "Бесов" и "Братьев Карамазовых".

х

х

х

Только в половине 90-х годов прошлого века было обращено впервые внимание на "Записки из подполья"... Позднее Н.К.Михайловский заметил, что "подпольного человека можно связать"... Ответил с большой проницательностью в натуру подпольного человека, но с полным бессилием против его диалектики. Дело в том, что Достоевский говорит, что если "всемирное и окончательное счастье, наконец, устроится, то никак нельзя поручиться, что не явится некий господин несносного вида и, уперев руки в боки, скажет: "А не послать ли нам все это счастье ударом ноги к черту, чтобы пожить опять в прежней волюшке, в свинской волюшке, в человеческой волюшке? И не то важно, – продолжает Достоевский, что такой человек явится, но то существенно, что он непременно найдет себе и сочувствие".

– Такого человека, вот так заговорившего, – возразил Михайловский, – можно связать.

Т.е. на "почесыванья" есть тюрьма, уголовное наказание, а для предупреждения "почесываний" есть партийная дисциплина. Вообще, в том или другом виде – железо, рамки.

Это сразу восстанавливает всю государственность, или "общественный строй, как он есть", – ну, лишь с предположением некоторых дополнений, преобразований и

т.д. Но вообще Михайловский уперся в старый строй, в извечный строй, чтобы как-нибудь защититься от гениальной критики Достоевского.

Но тюрьма, оковы – не возражение. Против мысли – не возражение...

Договорю, однако, дальше о судьбе "Записок из подполья". С первых лет XX века, и чем дальше, тем сильнее, внимание к ним начало расти; скажу больше – изумление перед ними начало подниматься в уровень с их настоящим значением. Теперь уже нельзя говорить "о Достоевском", не думая постоянно и невольно, вслух или про себя, о "Записках из подполья". Кто их не читал или на них не обратил внимания, – с тем нечего говорить о Достоевском, ибо нельзя установить самых "азов" понимания. Целый ряд писателей выдающегося успеха, – Л.Шестов, Мережковский, философов, – начали постоянно ссылаться на "подпольного человека", "подпольную философию", "подпольную критику"... И термин "подполье", понятие "подполья", наконец, сделались таким же "беглым огнем" в литературе, журналистике и прессе, как когда-то "лишний человек" Тургенева, его "отцы и дети", или как "нравственное совершенствование" после Толстого.

Нужно заметить, что "нравственное совершенствование" есть другой полюс "подполья", – от него защита, против него рецепт. Сильны ли – вот в чем вопрос... Но как в этом "самосовершенствовании" и "подполье" сказались, что Достоевский и Толстой были антиподами один другому...

И вот, наконец, только что появилось в Киеве целое литературно-критическое исследование А.Закржевского: "Подполье. Психологические параллели", посвященное Достоевскому, Лебниду Андрееву, Ф.Сологубу, Л.Шестову, А.Ремизову и Мих.Пантюхову. Книга эта – молодого, кажется, начинающего автора, написанная с большим жаром и

вся преданная идеям "подполья", тону "подполья"... В "подполье" надо различать идеи и тон... Оба важны. Г.Закржевский берет "подполье" Достоевского как бы свечой в руки, чтобы при ее свете рассмотреть всех перечисленных писателей, т.е. целую полосу, целое течение в литературе.

Не буду этой книги рассматривать, замечу лишь одно. Хотя "Записки из подполья" написаны Достоевским в молодую пору, но психологически это самая старая, так сказать, самая древняя из его книг... Ей много веков возраста... Ее писал глубокий, седой старец, бесконечно много переживший, передумавший... Ведь, есть старцы юные; нельзя не заметить, что Толстой в старости был юным, и даже передают, как почти в 80 лет способен был иногда расшалиться, разрезвиться. Напротив, Достоевский уже учеником инженерного училища был, в сущности, стариком, как никогда же не были юны Гоголь и Лермонтов.

Так ранний плод, до времени созревший,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между плодов, прилепец осиротелый...

Вот, в сущности, психология всех их, уже в отрочестве старцев. Ранняя, страшно ранняя потеря вкуса к жизни, любви к действительности, к реальному. Страшное, как в паровике пара, напряжение мысли и воображения. Разрыв с людьми, потеря с ними "родного". Это если их взять "как бы в бане", вне "орденов" и "костюмов", которые они тоже умели и даже невольно должны были надевать на себя и носить так или этак до гроба.

Закржевский же, уже по патетическому тону его книги, еще молодой писатель, без психологического опыта; он "ужасается" на "Записки из подполья", восхищается перед ними, становится на колени перед "мраком" Достоевского... как мальчик перед пугающим его рассказом седого дяденьки, перед напугавшим его во сне сновидением.

Вообще, между Достоевским и Закржевским нет психологической близости, какую мы всегда должны ожидать, если ожидаем удачной критики. "Подпольный человек" — страшный человек, и таким особенно образом, что о нем лучше помолчать. Былые цивилизации всегда отделялись от него четырьмя каменными стенами и "в рассуждения не входили". Может быть, исход и в самом деле лучший. Но на "айда!" попробую здесь вступить немножко в суждения.

х х х

— Подпольный человек, — вы — гениальный человек. Что сделал для "синтетических суждений" Кант и этим открыл свою великую "Критику чистого разума", то вы сделали для "социального синтеза", обнаружив, как и почему он в окончательной форме невозможен. Ваша заслуга перед социологией — такая же, как Канта перед философией.

— И вы, конечно, правы... Ну, что же тут спорить?... Диалектику вашу нельзя ни переломить, ни подавить, ни расчленить. Наука... Страшная, отрицательная наука, все разрушавшая...

— Но вы говорили о "почесываньях"... Гениальное, гадкое словцо, так характерное для вас и Достоевского ("Люблю трактирец с грязнотой"). Этими почесываньями вы все и разрушили. И правы. Потому что "почесыванья" в самом деле есть, и (подспудно) они всемогущи. Ну, какое же у вас, подпольного человека, "почесыванье"? Спрашиваю, чтобы знать, как к вам отнестись и ввести в границы вашу философию. Ибо тогда, ведь, очевидно, она будет "философией под углом некоторого индивидуального, глубоко личного почесыванья" и, естественно, заключится в рамки, потеряет свою универсальность. О "почесываньях" вы, конечно, гениально сказали, что они личные, что в них — суть личного "я", просто "я". Ну, так в чем же ваше-то "я"?

Безудерж русский... Русское "море разливанное". Наши "пиры трехсуточных", с "перепившимися гостями" и т.д., и т.д. Это — как подоплека, как натура. Вы слишком русский человек, г. Достоевский и вместе г. "подпольный человек". Нельзя оспорить — хорошо, красиво. Но вы сами в других местах говорили, что русский человек любит и слезы, любит до муки слезы... Помните все "плакавшую", вечно обиженную жену Федора Павловича Карамазова, мать Алеши: слезы матери, в детстве виденные, и вырастили душу Алеши. "Подпольному человеку" можно противопоставить не тюрьму, как указал Михайловский, из которой при гениальных-то способностях он, конечно, убежит, но вот Алешу Карамазова, который перед "подпольным человеком" ни на шаг не посторонится... И который молчанием своим, тихостью своею заставит умолкнуть несколько болтливую "подпольного человека".

Ведь, вы соглашаетесь, что "подпольный человек" несколько болтлив. Хорошая черта в смысле неопасности. Ему, как "национальному типу", можно противопоставить тоже "национального" Алешу... Который со всеми гармонирует, соглашается... Дело в том, что "подпольный человек" выразил всемирную едкость, всемирный анализ, всемирное разложение, но, конечно, мир в один час погиб бы, если бы в нем и был, в его подоплеку заложен был бы один этот анализ, огненная кислота: ей противоположно связующее масло, тяготение к всемирному синтезу, столь же мучительное, столь же тоскливое, как и анализ. Как земля держится в орбите своей центробежной силой, которая не может победить центростремительную, и центростремительную (упасть на солнце), которая не может победить центробежную (оторваться вовсе от солнца), так мир существует, цел и, наконец, цветет потому, что в нем анализ и аналитические течения никак не могут истребить синтетические. Живет насмешка, живут слезы, есть смех

Гоголя, есть пафос Шиллера. Сам Гоголь половину жизни смеялся, половину плакал. Вот пример и мировой закон. Вы говорите, что "все разрушите", и что "за вами пойдут". Алеша Карамазов "не пойдет", и, вообразите, с ним найдутся тоже "согласившиеся". Вы сами это хорошо знаете, и, вообразите, это есть то же "почесыванье", но совсем другого полюса, однако, с упорством и рьяностью именно "почесыванья". Был очень яркий человек, железный человек — Разин, но, представьте, Сергей Радонежский был точь-в-точь такой же железный человек, и у него "силушки", — что у Степана Парамоновича, ни чуточку не меньше. Один разрушит, другой создаст; один "сбросит сапогом к черту", другой (молча) опять подымет и опять положит на место. Два "почесыванья". В том и дело, что есть два "почесыванья", и вот на "двух"—то мир и построен. Известно: две руки, две ноздри, два глаза, верх и низ, правое и левое, — этому еще Пифагор учил и на это просил обратить внимание.

Капризный вы человек... капризный и истеричный, и в капризности и лежит ваше специальное, ваше индивидуальное "почесыванье". Критика подпольного человека есть гениальная критика, умственно гениальная, но "по натуре" слабого, бессильного, страшно невоспитанного, страшно развращенного, страшно русского человека, "со всеми пороками", "с уймой пороков". Гениально — да. Но можно и иначе определить: раскудахтался. Ишь, какой петух выискался: всю цивилизацию раскулачивает. Не склюет он курочки, несущей яйца. Несет и несет, никак не может не нести. Это такое же начало мира, как петух. Невозможно курице победить петуха, но петуху тоже невозможно победить курицу.

"Подпольный человек" кудахтает, что "на разуме и науке нельзя построить общежития" (тезис, почти главный, "Записок из подполья"). Да, конечно, если упереться лбом "по-ослиному" в науку. Стать на четвереньки,

двумя руками и двумя ногами, на разные науки... Может быть, такие ослы и были, и не оспариваю, что они бывали на Западе. Но уважать науку все-таки нужно, ибо в науке тоже есть страшное "почесыванье", о нее ужасно любит "чесаться" человек, и уж тут ничего не поделаешь, и нужно ее, эту науку, это рассуждение, этот "счет по пальцам", вами столь презируемый, припустить к жизни и строительству "уголком", дать ей посидеть на стульце, опереться на нее одною из четырех конечностей, а не всеми четырьмя конечностями. Тогда вдруг воссияет "мировой свет разума", от этой науки скромной и деликатной, от науки по типу Сергея Радонежского, а не по типу Стеньки Разина. Ваша критика "науки" гениальна, насколько она относится к "Стеньке Разину" в ней, который тоже есть, был и возможен. Но позитивизм отпраздновал свои триумфы и успокоился, как Степан Парамонович в своей могиле. Без "разума" все-таки невозможно строить жизнь, но пусть он будет, как и все в жизни, все в человеке, все в цивилизации, скромно, деликатно, не притязателен, не нагл, не болтлив, не самоуверен. Зачем "разум" вообразить с бакенбардами Ноздрева? Таким он был у Писарева, в его статьях, в его раздражающих тоном самоуверенности. Он может быть в скромном сюртуке Пастера, который, - после зрелища умиравшего от укуса бешеной собаки мальчика, - на несколько лет отложил свои научные темы, научные уже "в ходу" работы, и погрузился в одну великую скорбную задачу - во что бы то ни стало отыскать исцеления от укуса бешеного животного! И нашел!! Вот "Алеша Карамазов" науки, вот ее "Сергий Радонежский". Такие есть!! Подпольный человек, - страшный подпольный человек, - страшный по уму: да, увидав Пастера, когда он нашел свое средство, после шести лет работы, - ты воскликнул бы: Осанна! Осанна как Сыну Давиду!!

И целовал бы ноги ему, руки ему, этому "ученому", застенчивому, бегущему от толпы... Уединенному и тихому.

X

X

X

Так что Достоевский спорил против "паричка" науки, а не против души науки, которая есть и бессмертна, и велика...

Русское слово, 1911, 1 марта

Дмитрий Галковский – молодой писатель, недавний выпускник философского факультета МГУ, написал интересную, дерзкую книгу с парадоксальным названием "Бесконечный тупик". Книга находится в производстве в одном из московских издательств и скоро выйдет в свет.

Для того, чтобы Вы, дорогой читатель, поняли, что ее нужно будет непременно купить и прочесть, независимо от того, что позиция автора может оказаться чуждой Вам, мы приводим несколько страничек из III части этого объемного труда, в которых сам автор рассказывает об основном замысле и структуре книги. Большая часть книги написана в жанре комментария – примечания: примечания к тексту, примечания к примечанию, примечания к примечанию примечания. Такое "квантование" мысли является, на наш взгляд, своеобразным развитием жанра розановских "Опавших листьев".

ДМИТРИЙ ГАЛКОВСКИЙ

БЕСКОНЕЧНЫЙ ТУПИК

(Отрывок из книги)

7. Примечание к с.1 "Бесконечного тупика"

Пишущий о Розанове постоянно находится перед соблазном двух крайностей: крайности "отстранения" и крайности "растворения".

Что ж, начало в высшей степени классическое. Это классическая "гегелевская триада". Есть некий сакральный текст – Розанов. Имеются и определенные толкования этого текста. Толкования эти – неправильные. Часть их – еретически уклоняется в опасное мудрствование и непозволительные новшества. Другая часть – начетнически подходит к животворному источнику и догматически подменяет дух учения его буквой. Нам же необходимо отказаться от

этих пагубных соблазнов и дать каноническое решение "розановского вопроса".

Итак, начало "Бесконечного тупика", повторяю, классическое. Зато продолжение – экстравагантное. В процессе изложения выясняется, что автор постоянно рвет "паутину розановщины", но все же не вырывается из нее, а, чувствуя пустоту "отстранения", сразу же испуганно зарывается в обрывки розановских мыслей, их лоскутки, и в них как-то теряется, запутывается, "растворяется". Изложение превращается в ряд последовательно сменяющихся "отстранений" и "растворения". Отличие от предыдущих исследований Розанова тут только в том, что я иду на эти отстранения и растворения почти сознательно, с заведомым ожиданием неизбежных срывов и просчетов. Ведь иначе нельзя, выхода нет. Мы, как сказал сам Розанов, не можем вырваться из-под власти национального рока. Национальность – это и есть "бесконечный тупик". Мучительность Розанова в его абсолютной национальности, а следовательно – в безмерности. Либо его опыт для нас объективен и тогда возможен формальный, но бессодержательный анализ, либо он субъективен и тогда платой за содержание будет самовыворачивание. Последнее уводит от Розанова, Розанов подменяется вами. Но я хочу говорить о Розанове, а не о себе, в нем, в его идеальной актуализации национального опыта разгадка и моего "я". Тогда маятник качается снова в сторону "отстранения" – попытки выскочить за край национального мира. Но человек при этом выскакивает и за пределы своего "я". И почувствовав это – снова хватается за ускользающую реальность "Уединенного". Это качание реальности (субъективизация – обезличивание) мучительно. Розанов, такой близкий, родной – ускользает. "Обознатушки-перепрятутки".

2. Примечание к с. "Бесконечного тупика"

"Розанов всю жизнь шарил в мягкой пустоте, стараясь нащупать, где же стены русской культуры" (О.Мандельштам).

Тут Мандельштам совершенно прав. Он точно уловил слабинку. У каждой нации должна быть рациональная сказка, охватывающая плотным кольцом все стороны быта и изгибающая их по направлению к центральному мифу. Именно у евреев, при первобытной наивности центральной мифологии, есть очень прочная, крепкая сказка – талмудическая ограда. У русских никакой ограды не было. Отсюда ущербная незащищенность русской культуры.

Розанов никого не спасал, никого не учил и не воспитывал. Но именно ему, как-то походя, незаметно, удалось построить ограду. Ему единственному. Славянофилы разлетелись в слезливом прекраснотуши, Леонтьев прочертил носком сапога верно, но слишком крикливо и оригинально, слишком сердито и неоконченно. Не закругленно. Что не удалось Леонтьеву, декаднствующему славянофилу, то не удалось и славянофильствующим декадентам, вроде Мережковского. А Розанов дал Домострой XX века. Правда, ему было неинтересно его развивать – чувствовал ненужность. Тогда. А вот я подниму. Мне нужно было выставить реальность новой сказкой, новой актуализацией русского мифа. И я искал для этого наиболее здоровую основу. И нашел ее в Розанове. В нем гармонизируется и наполняется смыслом наше бытие.

Это не совсем ясно, но постепенно слова нальются соком смысла.

3. Примечание к № 2 с.3

Розанов дал Домострой XX века.

Он писал:

"В собственной душе хожу как в саду Божьем. И рассматриваю, что в ней растет, с какой-то отчужденностью. Самой душе своей – я чужой. Кто же я? Мне только ясно, что много "я" в "я". И самое внутреннее смотрит на остальное с задумчивостью и без участия".

Судьба Розанова – это пример и опыт максимального осуществления русской личности и способ ее существования в мире, распускания, но не погашения в окружающем ничто. Он распустил свой логос и тот повис в реальности гигантской паутиной национального мифа. Дешифровать его, разъять извне нельзя, но можно воспроизвести изнутри, повторить расово идентичный опыт.

Эта книга, имеющая трехпорядковую структуру, и является такой попыткой, а следовательно, и попыткой создания вывернутого, специально приспособленного для восприятия другими внутреннего мира. Мир этот принадлежит некоему конкретному человеку, со всеми его слабостями и комплексами, и одновременно безмерному вневременному логосу. Далее в тексте свое личностное начало я буду именовать "Одиноковым".

Опыт свободного ассоциативного мышления по отношению к творчеству Розанова вторичен и поэтому обладает рядом особенностей: схатостью во времени, большей пространственной плавностью и мягкостью, а главное, гораздо большей рациональностью. Рациональность эта заключается прежде всего во вторичном упорядочении ассоциаций и создании максимально плотной смысловой переплетенности, порождающей антропоморфность фантазий (то есть явный мифологизм). Текст превращается в личность или, точнее, в целую группу личностей, находящихся в драматическом взаимодействии. Иными словами, в отличие от Розанова миф Одинокова гораздо более порожден, то есть более приемлем и адаптирован к восприятию.

Конкретно рационализация свободного мышления достигается тройным образом. Во-первых, фиксацией темы (П

частью "Бесконечного тупика" и собственно произведениями Розанова). Во-вторых, фиксированной схемой ассоциаций (см. схему в конце книги). И, в-третьих, фиксацией ассоциативных полей (см. тематические и именные указатели).

4. Примечание к с. "Бесконечного тупика"
мысль изреченная по-русски - иррациональна

Может показаться, что особенности русского мышления - круговратность, спохватываемость (судорожное и внезапное оправдание), оборачиваемость, сбываемость, заглумечность и т.д. - есть просто следствие неразвитости вербального бытия, и, таким образом, все эти свойства вполне выразимы в терминах формальной логики - как названия логических ошибок. Но по сути это будет неверно, так как речь идет совсем о другом - не о формальной, а о содержательной (субъективной) логике. Функционирование формальной логики определяется правилами и аксиомами, механизм же содержательной логики определяется субъективными задачами психики данного индивидуума. Действительно, при помощи ряда логических операций можно формализовать технологию национального мышления, но что определяет саму эту форму, например, интенсивность и субъективную потребность в постоянном и немотивированном оправдании? Что определяет тональность и изгиб именно этих, а не иных форм оправдания?

Структура моей книги триединая: 1. Вводная часть ("Закругленный мир"); 2. Центр, давший название и всему произведению ("Бесконечный тупик"); 3. Примечания. Подразумеваемый вариант 4 части - это сам Розанов, так что одна из целей книги - своеобразные пролегомены к Розанову, плавный переход от "полного текста" к его

полной разрушенности, от целого тома к рассыпанному вороху страничек, от "Закругленного мира" к "Опавшим листьям". После "опавших ветвей" начинается сам Розанов.

Первая часть книги - единство. Вторая - дешифровка первой и начало распада. Но единство страшным усилием воли еще сохраняется. Третья часть - это распадение, деструкция, "осколки, рассыпавшиеся по ковру". Это не что иное, как последовательная попытка русского мышления, попытка передачи его динамики - динамики рассыпания. Чем глубже анализ, тем рассыпаннее форма отечественного мышления.

Юрий СУХАРЕВ

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

(краткий обзор по готовящемуся к публикации изданию)

Несколько вводных пояснений. Речь идет о массовой эмиграции после 1917 года. "Исход" вообрал в себя многое. Массовые увольнения профессорско-преподавательского состава, главным образом приват-доцентов, с конца 1918 года. Беспрецедентное социальное, налоговое, психологическое давление на преподавателей университетов и высших учебных заведений. Закрытие учебных заведений. С сентября 1919 года - систематические аресты лиц преподавательского состава по политическим мотивам. Эвакуация ученых, журналистов и писателей - в феврале-апреле 1920 года. И, наконец, массовая административная высылка, начиная со второй половины сентября 1922 года. С.Мельгунов в этой связи писал о "массовой высылке интеллигенции"¹⁾, Б.Яковенко о "факте философского обескровливания России"²⁾.

Общая численность эмиграции к началу 20-х годов составляла более 2 миллионов человек. "В результате анкет, проведенной Русским Научным Институтом в Белграде в 1931 году, ... удалось установить наличие за рубежом России 472 русских ученых. Среди них насчитывается 5

1) Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. В 2-х выпусках. - Париж, 1964, вып.2 (часть 3). - С.85.

2) Яковенко Б.В. Десять лет русской философии 1914-1924. Библиография // Логос. Международный Ежегодник по философии культуры, издаваемый под редакцией С.И.Гессена, Ф.А.Степуна и Б.В.Яковенко. - Прага, Пламя, 1925, книга первая. - С.197.

академиков и около 140 профессоров российских университетов и специальных высших школ. Из остальных, доцентов и ассистентов, многие приобрели профессорское звание уже за границей¹⁾. Философское общество в Праге на 1928 год имело список членов - 29. Профессиональные философы были и в Париже, и Брюсселе, Белграде и Берлине...

За людьми за рубеж последовали книги. По распоряжению тогдашнего руководства страны Государственное Внешнеэкономическое Объединение "Международная книга" подготовило номерные каталоги и бюллетени (общим числом около 200), каждый из которых включал от нескольких сот до нескольких тысяч наименований книг. Была и реклама в каталогах и бюллетенях: Бюллетень № 38. "Книги из библиотеки Святейшего Синода, все в сохранном виде. На большинстве имеется штамп библиотеки и экслибрисы" (- Л., Акционерное общество "Международная книга", тип. "Сов. печатник", (1934). - 47 С., без тит.л.); Антикварный каталог № 65. "Большая часть книг этого каталога имеет библиотечные штампы. Цены указаны в ам.долларах, без стоимости пересылки" (- М., "Международная книга", 1935. - 109С.).

То, что осталось после этой беспрецедентной распродажи книжной культуры страны, но по-прежнему не укладывалось в рамки "новой культурной политики", попало в спецхраны, часть книг была уничтожена. Во многом сохранение книг зависело только от доброй воли библиотечных работников, от их культуры, вкусов. Часть книг попала в библиотечные архивы, запасные и складские помещения, которые современные библиотечные работники иногда называют "книжными кладбищами". Куда же "ушли" кни-

1) Новиков М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. - Прага, "Худомель", 1935. - С.4.

ги, которые по инструктивным письмам, устным распоряжениям и спискам десятилетиями снимали с полок? "Дыхание образа" определенной государственной культурной и информационной политики проявляется в том, что ни одна крупнейшая библиотека СССР на 1990 год не располагает полными комплектами Всемирных философских конгрессов; нет, к сожалению, удовлетворительной классификации конгрессов по философии в картотеках библиотек; отсутствуют, как правило, полные комплекты сочинений А.Шопенгауэра, Ф.Ницше и др. мыслителей.

С февраля месяца 1989 года, согласно инструктивным распоряжениям, началась работа по переводу большинства фондов отделов специального хранения в основные библиотечные фонды. Создалась реальная возможность выявить философскую литературу Русского Зарубежья (ФЛРЗ). Чем можно располагать специалисту в настоящее время? Общий список отдельных печатных изданий (сюда не включаются периодические издания), подготовленный для справочника "Философия как профессия" насчитывает 125 полных описаний. В нем 9 библиографических указателей. Среди них: Фостер Л.А. Библиография русской и зарубежной литературы. 1918-1968. - Бостон, 1970. - Т.1, 681 с. - Т.2, 682-1374 с.; Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1920-1980. Сводный указатель статей. - Париж, 1988. - 661 с.; Каталог русских книг зарубежных изданий. 1987-88. - Париж, YMCA-press, 1987. - 207 с., а также специализированные указатели трудов Н.Лосского, Л.Шестова, С.Франка и др. Из 125 книг, включенных в список-коллекцию, 39 - находятся в Государственной библиотеке СССР; 34 - хранятся в Русском отделе Научной библиотеки Центрального Государственного Архива СССР, 22 - в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР, 13 - в Независимой общественной библиотеке г.Москвы; единичные экземпляры - во

Всесоюзной Государственной библиотеке иностранной литературы, в Библиотеке Академии Наук СССР в Ленинграде, в Исследовательском институте науки и техники в Ленинграде, в Институте Русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде.

Тематически список-коллекция представлен следующим образом. Во-первых, три истории русской философии: Н.О.Лосского, В.В.Зеньковского, С.А.Левицкого. Значительно число книг по теории познания (Н.Бердяев, Н.Боранецкий, В.Зеньковский, И.Лапшин, А.Позов и др.), философии культуры (Н.Бердяев, В.Вышеславцев, К.Зайцев, Л.Карсавин, И.Лапшин, Н.Лосский, Н.Устрялов, В.Шварц), философии религии (В.Зеньковский, Л.Карсавин, А.Позов, С.Франк, Л.Шестов), философии государства (Н.Алексеев, И.Коджак, Н.Устрялов), философии истории (Н.Бердяев, Л.Карсавин, П.Боранецкий, С.Булгаков, П.Вицилли). Есть книги уникальные: С.И.Гессен. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. - Берлин, "Слово", 1923. - 419 с.; В.В.Зеньковский. Психология детства (С рисунками и диаграммами). - Лейпциг, "Сотрудник", 1924. - 348 с.

Что же касается общего восприятия ФЛРЗ, то в этой связи вспоминается предисловие Марка Раева к библиографическому указателю "Русская эмиграция": "Вклад эмиграции был очень значителен; современный мир не может быть понят без этого учета. И в Советской России люди любознательные и открытого ума знают, что все, что было создано за пределами страны, составляет часть и их наследства, то есть того, что создается в Советском Союзе" (С.1X).

Любовь МОТОРИНА

Рецензия на книгу А.П.Дуброва, В.Н.Пушкина "Парапсихология и современное естествознание". - М: Соваминко, 1990.

Рецензируемая монография представляет собой важный шаг в развитии парапсихологии, изменении ее статуса. Из области мистики, тайн и загадок парапсихология становится сложнейшей синтетической областью научного познания, отражающей по сути общую для современной науки тенденцию: интеграцию знания, его междисциплинарный характер, стремление к целостности и единству.

Несмотря на то, что мировым научным сообществом накоплен достаточно большой эмпирический материал по изучению так называемых паранормальных явлений, парапсихология до сих пор продолжает настойчиво "стучаться" в двери науки и встречает мощное сопротивление со стороны ученых различных областей. Самое парадоксальное, что наиболее острые и напряженные отношения складываются у специалистов в области парапсихологии с представителями научной психологии. В уставе Международной ассоциации научной психологии подчеркивается несовместимость пребывания в ней с занятиями парапсихологией. И хотя устав был принят более полувека назад, по сей день продолжает существовать психологический барьер, связанный с нежеланием допускать в науку то, что традиционно рассматривалось как колдовство, магия, спиритизм.

Монографию двух известных советских ученых - психолога В.Н.Пушкина и биофизика А.П.Дуброва отличает особая научная добросовестность. Их выводы серьезны и убедительны. Они опираются на большое количество экспериментальных данных, имеющих в мировой и отечествен-

ной науке от электроники до информатики, от квантовой физики до электропунктуры; привлекают древние философские системы, религиозные идеи; достижения народной медицины, и наконец, используют собственные экспериментальные исследования, а также полученные ими теоретические результаты.

Авторы предпринимают смелый шаг - пытаются набросать контуры новой научной теории, которую они условно называют когнитивная биофизика, или экстрасенсорика. По мнению авторов, когнитивная биофизика, концентрирующая в себе узловые проблемы психологии, медицины, биологии, философии и космогонии, призвана раскрыть механизмы информационно-энергетических связей в регуляции процессов жизни и поведения человека, познать его резервные возможности, "встроенность" человека в единый вечный Космос. Разумеется, понятие биологического поля, как основное объяснительное понятие их предварительных теоретических построений, скорее метафорическое, чем научное. Но эта емкая научная метафора имплицитно новую научную картину, целую систему программ научных исследований на многие десятилетия.

Книга написана проблемно. Об этом говорят сами авторы, подчеркивая, что "теория биологического поля в единстве с понятием психоэнергетической регуляции не столько решает, сколько ставит проблемы" (с.4). Думается, самой значительной из них, в чем и заключается особая ценность работы, является проблема изменения фундаментальных методологических ориентиров, касающихся понимания структуры мира, отношений живой и неживой материи, понятий времени и пространства, роли формы в развитии мира, природы, человека, психики и т.д. Поэтому книга представляет большой научный интерес не только для специалистов в области психологии, психофизиологии, медицины, биологии, но и для философов.

Владимир МЕТЛОВ

КОРОТКО О КНИГАХ

Ж.-Г. Гранже. За философское познание. Париж,
Одиль Жакоб, 1988, 286с.

В книге профессора Коллеж де Франс Ж.-Г. Гранже рассматриваются проблемы, которые не часто ставятся в нашей литературе, хотя на Западе им уделяется довольно значительное внимание. В качестве иллюстрации сошлюсь на книгу В. Швайdlера "Преодоление метафизики", опубликованную в ФРГ в 1987 г. Имя автора аннотируемой книги мало известно в нашей стране, хотя это одно из самых крупных имен в методологии научного познания, философии науки и философии в целом, (как в этом, в частности, убеждает последняя книга), существующих в настоящее время в философской жизни во Франции.

Главная задача, решаемая автором, это задача выяснения того, что такое философское знание. Решая ее, Гранже подчеркивает, что философское знание, имея определенные атрибуты научного знания, не является в сущности, таковым (что в его глазах отнюдь не составляет порока философии). Нельзя, вместе с тем, отождествлять философию с одним из видов искусств. На основании анализа значительного историко-философского и специально-научного материала проф. Гранже приходит к заключению, что философское знание является знанием, которому доступна строгость, но которое, как это ни парадоксально, является знанием без объекта. Кант, Рассел и Витгенштейн — основные фигуры, анализируемые в работе в связи с поставленными задачами.

Необычность ряда выводов автора — впрочем, всегда хорошо аргументированных — относительно значимости философского знания не должна закрывать для нас характер

обсуждения сходных проблем в XIX столетии: "метафизика резюмируется в методе" — одно из тех положений, которые в определенной мере перекликаются с высказанными Ж.-Г. Гранже.

Книга посвящена защите философского знания, она позволяет обратить внимание на антифилософские тенденции, которые играют очень различную, противоречивую роль в современной духовной, вообще социальной жизни в настоящее время. Чтение книги проф. Гранже очень благодарное дело, расширяющее кругозор даже философски достаточно образованного читателя.

Modern Italian Social Theory. Richard
Bellamy. Polity
Press. Cambridge, 1988, 215p.

Итальянская социальная, философская, политическая, экономическая мысль довольно слабо исследуется в нашей стране, по крайней мере несравненно меньше, чем, например, США, Великобритании, Франции, ФРГ. Знакомство с книгой Ричарда Беллами в состоянии в определенной мере заполнить существующий в советском обществоведении пробел. Книга посвящена анализу трудов социальных и политических мыслителей Италии — В. Парето, Г. Моска, А. Лабориоли, Б. Короче, Д. Джентиле, А. Грамши. Помимо названных имен, в работе рассматриваются три наиболее крупных современных итальянских мыслителя — дельла Больпе, Н. Боббио, Л. Колетти. Советский читатель с большим интересом мог бы ознакомиться с выступлениями последнего по проблемам диалектики, опубликованными, в частности, в польском журнале "Студия филозофичне", 1988, № 9.

В названной работе политические, социальные взгляды выбранных для исследования авторов даются в органической связи с их общефилософскими воззрениями.

Большое внимание в книге уделяется проблеме соотношения социальной теории и социальной практики. Выросшая из докторской диссертации автора, представляемая книга содержит библиографической и биографический аппарат, который с большой пользой может быть использован в исследовательской работе.

Книга в существенной степени способна помочь не только историку итальянской общественной мысли, но и преподавателю, готовящему лекцию по политэкономии, социологии, политологии, философии. Что делает ее еще более ценной – это рассмотрение различных аспектов деятельности анализируемых мыслителей: философского, политэкономического, социологического, политологического – разумеется в различных пропорциях выступающих у разных авторов.

ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР ИНФОРМИРУЕТ

ФЕДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В июне 1990 года в Москве с большим успехом прошли, ставшие уже традиционными, III Всесоюзные Федоровские чтения. По общему мнению участников, их отличала так не привычная для нас четкая организованность, насыщенность программы и хорошая творческая атмосфера.

Здесь были представлены: 9 теоретических секций, 5 программ-сеансов парамедитативной практики, художественная выставка "Живое мироздание", концерты духовной музыки. Федоровские идеи объединили настоящих энтузиастов, творческих, энергичных людей, представляющих целый ряд организаций: философское общество АН СССР, ВООПИК, Экологический фонд СССР, МАТИ им. Циолковского и др.

Цель и пафос Федоровских чтений хорошо сформулировал доцент Московского технологического института Р.Г.Варламов: "Что же главное в Федоровских чтениях? Главное – это отход от старой парадигмы и создание новой. Известно, что началом изучения всегда является анализ, расчленение сложного на простые части, пренебрежение многими важными внутренними связями. Именно так развивались до недавнего времени ветви науки, когда каждая ветвь мыслила себя и только себя деревом. Разрыв связей, отсечение "лишнего" приводили к тому, что вместо живого дерева жизни изучали мертвый телеграфный столб.

Глобальные общие подходы, сформулированные Н.Ф.Федоровым и его последователями, позволили увидеть жизнь как синтез всеединого, как живую, пульсирующую вселенную, в которой живем мы, живут наши собратья в других формах жизни, в других мирах и измерениях, но все мы

должны делать одно "общее дело" - дело разумного развития доступной нам части Вселенной с минимальным вредом для других, должны излечиваться сами и лечить Землю, Космос, Вселенную".

Всем, кто интересуется идеями Н.Ф.Федорова и проблемами русского космизма, сообщаем, что в ожидании 19 Федоровских чтений вы можете уже сейчас принять участие в работе этого творческого коллектива.

Работа ведется по нескольким направлениям:

1. С октября 1990 г. каждую третью пятницу продолжает работу Всесоюзный Федоровский семинар в ИМЛИ им.А.М.Горького. Тема: "Космическое сознание и современная культура". Ведет семинар: писатель и ученый Светлана Семенова.

2. Секция "Естественно-научных и логико-математических подходов к проблемам жизни, разума и духовности" выносит на обсуждение доклады-гипотезы с привлечением специалистов-экспертов по проблеме. Ведущий научного семинара "Искусственный интеллект и проблемы его построения" - к.т.н. Е.А.Александров. Место проведения: ВНИПИ Генплана г.Москвы.

3. Постоянно действующий лекторий "Русский космизм" работает по субботам в Центральном аэроклубе им.Валерия Чкалова (метро "Тушино").

Кроме того, следите за объявлениями на информационных стендах философского общества СССР, Института философии АН СССР, ИМЛИ им.А.М.Горького.

О ПАМЯТНИКЕ В.С.СОЛОВЬЕВУ

29 ноября 1990 г. состоялось освящение камня, положенного в основание будущего памятника В.С.Соловьеву. Камень - мраморная плита с надписью: "Русскому философу В.С.Соловьеву" - был заложен в скверике перед бывшим дворцом князей Голицыных, где ныне помещается Институт философии АН СССР (Волхонка, 14).

Освящение произвел о.Иннокентий (Павлов). Инициатором создания памятника является Литературно-философское общество имени Ф.М.Достоевского под председательством А.В.Гулыги. В изготовлении камня помогало общество "Радонех". Будет объявлен конкурс на лучший проект памятника. Литературно-философское общество имени Ф.М.Достоевского изыскивает средства на его сооружение. Желающие помочь могут перечислить средства на счет общества. Счет 601506 Тихвинского отделения Жилсоцбанка г.Москвы. В переводе указать: "На сооружение памятника В.С.Соловьеву".

ИЗДАНО ФИЛОСОФСКИМ ОБЩЕСТВОМ СССР В 1990 ГОДУ

Монографии

Н. Бердяев. Судьба России. 240 с., 30 тыс. экз., 5 руб.

В. Иванов. Политическая психология. 219 с., 3 тыс. экз., 2 руб. 50 коп. Книга издана за счет средств автора.

Н. Ф. Бучило. Восприятие искусства. 176 с., 10 тыс. экз., 3 руб. Книга издана за счет средств автора.

Т. Ф. Кузнецова. Философия и гуманизация образования. 116 с., 500 экз., 1 руб. 50 коп. Книга издана за счет средств автора.

Сборники статей

Марксизм и Россия. 286 с., 3 тыс. экз., 2 руб. 50 коп.

Социализм и Россия. 312 с., 500 экз., 3 руб. 40 коп.

Русская нация и обновление общества. 198 с., 1 тыс. экз., 2 руб. 20 коп.

Компьютерная революция и информатизация общества. 301 с., 1 тыс. экз., 3 руб.

Мозг и сознание. 192 с., 1 тыс. экз., 2 руб. 20 коп.

Философские исследования оснований квантовой механики. 183 с., 350 экз., 2 руб.

Экология. Демократия. Молодежь. 117 с., 450 экз., 1 руб. 40 коп.

Историзм и творчество. Часть 1, 309 с., 350 экз., 3 руб. 20 коп.

Историзм и творчество. Часть 2, 349 с., 350 экз., 3 руб. 40 коп.

Этика и мораль. 195 с., 500 экз., 1 руб. 80 коп.

Обновление морали и перспектив этики. 262 с., 500 экз., 2 руб. 80 коп.

Проблемы построения диалектической теории, обоснование и доказательство. 327 с., 300 экз., 3 руб.

Культура и личность: проблема социальной активности. 123 с., 300 экз., 1 руб. 40 коп.

Трудовой коллектив и личность в условиях обновления социализма. 150 с., 250 экз., 1 руб. 80 коп.

Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. Том 1, 236 с., 2 руб. 90 коп.

X

X

X

Философское общество СССР совместно с фирмой "Библиофил" предлагает всем интересующимся философской литературой, выпускаемой Обществом, посетить книжный киоск, расположенный в помещении Президиума ФО. Кроме того, Вы можете приобрести художественную и научную литературу прошлых лет издания по договорным ценам.

Адрес: Москва, Смоленский б-р, 20, 2-ой этаж.
(Метро "Парк культуры", трол. Б. или 10 до остановки "1 Неопалимовский переулок", во дворе дома № 22)

Киоск работает:

понедельник - 11⁰⁰-14⁰⁰

среда - 14⁰⁰-17⁰⁰

пятница - 12⁰⁰-15⁰⁰

Справки по телефону: 201-55-04; 201-50-37

НАШИ АВТОРЫ

НАЗАРОВ Владимир Николаевич - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Тульского государственного педагогического института им. Л.Н.Толстого. Специалист по проблемам моральной прогностики.

ВАСИЛЬЕВ Александр Зиновьевич - кандидат философских наук, член Ассоциации прикладной парапсихологии г. Ленинграда. Преподает на кафедре эстетики и этики Ленинградского государственного педагогического института им. А.И.Герцена.

СУХАРЕВ Юрий Николаевич - кандидат философских наук, доцент кафедры диалектического материализма философского факультета Ленинградского государственного университета.

МОТОРИНА Любовь Евстафьевна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского авиационного института им.С.Орджоникидзе. Специалист по проблемам психологии и философии бессознательного.

МЕТЛОВ Владимир Иванович - доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Московского химико-технологического института им. Д.И.Менделеева.

Сдано в набор 02.04.91

Формат 60x90/16

Усл. печ. л. 5,5

Тир. 999 экз.

В печать 10.04.91

Печать офсетная

Усл. кр.-отт. 5,62

Уч.-изд. л. 3,62

Зах. 2460

Цена 1 р. 50к.

Производственно-издательский комбинат ВИНТИ
140010, Люберцы 10, Московской обл.,
Октябрьский проспект, 403